

The background of the cover is a white, cracked stone relief. At the top, a large, cracked face with red blood dripping from its eyes and mouth is set within an arched frame. Below the face is a detailed relief of a cathedral with multiple domes and spires. Red blood is shown dripping from the cathedral's roof and the face's mouth. The title is written in large, black, serif Cyrillic letters, with a single drop of blood falling from the letter 'И' in 'СВЯТЫХ'.

**СЕМЬ
БЕЗЛИКИХ
СВЯТЫХ**

М. К. ЛОБЪ

М. К. Лобб

Семь безликих святых

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-4

Лобб М. К.

Семь безликих святых / М. К. Лобб — «Издательство АСТ»,
2023

ISBN 978-5-17-158514-3

Святые милосердны. Так говорилось во всех преданиях. Но также в них говорилось о том, что святые жаждут крови. Правящие в городе Омбразия святые и их последователи обладают ужасающей и несправедливой властью — они играют в фаворитов, в то время как заурядные борются за выживание. Россана Ласертоза, после того как ее отец был убит омбразианскими военными, готова сделать все возможное, чтобы разрушить коррумпированную систему: использовать свои силы последовательницы Терпения, присоединиться к мятежу и встретиться лицом к лицу с юношей, который когда-то разбил ей сердце. Считается, что Дамиан, самый молодой начальник стражи Палаццо в истории, безжалостный и сильный, станет служить святым с беспрекословной преданностью. Однако три года, проведенные в нескончаемой Второй войне святых, оставили в его душе раны более глубокие, чем он готов признать... и страх встречи с девушкой, которую ему пришлось оставить. Тем временем неизвестный убийца преследует жителей Омбразии. Количество убитых неуклонно растет, но Палаццо предпочитает закрывать на происходящее глаза — до тех пор, пока новой жертвой не становится последователь. Поскольку каждая найденная зацепка приводит в тупик, Дамиану и Роз предстоит вместе спуститься в подземелья Омбразии, где они обнаружат нечто зловещее... и отнюдь не священное.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-17-158514-3

© Лобб М. К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

1. Леонцио	7
2. Дамиан	9
3. Роз	15
4. Дамиан	22
5. Роз	27
6. Роз	34
7. Дамиан	38
8. Роз	44
9. Роз	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

М.К. Лобб

Семь безликих святых

М. К. Lobb
Seven Faceless Saints

© 2023 by М. К. Lobb
© Cover art copyright © 2023 by Sasha Vinogradova
Cover desing by Karina Granda
Cover copyright © 2023 by Hachette Book Group, Inc.
© Коновалова Татьяна, иллюстрации на форзаце
© Ольга Исаева, иллюстрации на титуле
© Дорохова С., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

*Посвящается всем тем, кому не хватает сил сдерживать ярость
и кто слишком устал справляться с душевной болью*

*Говорят, в день, когда Хаос потерпел поражение, пошел дождь.
На землю обрушилась не легкая морось со слабым ветерком,
а настоящий бурный ливень. Причиной падения стали его дети: их
поверженные бранные тела были втоптаны в северную грязь. Отступая,
он издал крик, от которого содрогнулись горы. Этот крик вознесся над
миром и проник во все города, в каждую щель, затаившись в проблесках
света.*

*Терпение, возлюбленная Хаоса, лишь с грустью наблюдала за его
уходом. И хотя сердца обоих переполняла жажда мести, она не спешила
к нему. Только ждала, потому что знала: у каждой войны есть конец
и за каждым грехом следует наказание.*

Да, Хаос вспыльчив. Но Терпение...

*О, Терпение точно знает, когда следует нанести удар.
«Святые и жертвоприношение», псалом 266*

1. Леонцио

С наступлением полуночи его охватила паранойя.

Леонцио мерил комнату шагами; сердце бешено стучало в груди, вызывая странное чувство. Кожей он остро ощущал холодный воздух. Язык, от сухости прилипший к небу, как-то неловко ворочался за зубами.

Не в силах больше терпеть, он подошел к двери, распахнул ее и выглянул в коридор. Перед ним словно распростерлась бесконечность, буквально через пару шагов тело поглотила гнетущая темнота.

Стражник, который должен был стоять за дверью, исчез.

И все же последователь не смог заставить себя выйти из комнаты, не желая бродить по темному Палаццо.

У дворца имелись глаза. И Леонцио всю неделю чувствовал тяжесть их взгляда на себе: сначала там, где молился святым, а потом в залах совета, где встречался с остальными представителями священных гильдий. Они следили за каждым его шагом, и даже сияние звезд не могло их отпугнуть.

Как только он вернулся в комнату, досадливая мысль принялась терзать его разум. Чем он занимался до того, как им овладел страх? Искал главного магистрата – точно! Ему требовалось сообщить этому человеку нечто крайне важное. Но *что?*

Леонцио смахнул рукой пот со лба. Зажженная свеча отбрасывала на стены косые тени, чьи мягкие линии изгибались, когда пламя дрожало на ветру из приоткрытого окна. Он, пошатываясь, прошел в другой конец комнаты и распахнул створку шире. Пока ветер ласково обдувал его лицо, он глядел на раскинувшиеся внизу сады, окутанные ночью.

Чьи-то глаза уставились на него в ответ.

Пульс мгновенно подскочил, последователь отпрянул от окна и поспешно задернул штору. *Снаружи* что-то было. Нечто ужасное и нечеловеческое бродило по территории Палаццо. Он не видел этого, но ощущал какую-то неправильность, ее вязкая тяжесть все сильнее сдавливала ему горло.

Он переплел скользкие от пота пальцы, бормоча молитву святому покровителю Смерти. *Его* святому. От него произошла его семья, благословленная даром магии. Однако сегодня эти пыльные мольбы приносили мало утешения: чем больше он сомневался в силе Смерти, тем меньше ощущал присутствие святого.

«*Помоги мне*», – такова была главная его просьба, но становилось только жарче и хуже. «*Наверное, для защиты одних слов недостаточно*», – подумал последователь. Внезапно с подступившей тошнотой им овладел порыв, решительный и неумолимый. И он поддался. Ведь он был всего лишь сторонним наблюдателем, двумя глазами в темнице плоти.

Зрение начало затуманиваться, и он поплелся в соседнюю комнату, опираясь о стену. Леонцио представил, как его ладони оставляют отпечатки на позолоченной краске – эти рыжевато-малиновые мазки привлекают к нему святых. Словно они больше не божества, а захлебывающиеся слюной звери, что рыщут в поисках свежей добычи.

Святые милосердны. Так, во всяком случае, говорилось во всех преданиях.

Но еще в них говорилось о том, что святые жаждут крови.

Леонцио рухнул на колени рядом с кучей разномастного мусора, который собрал на территории Палаццо. Он не до конца понимал, когда и почему начал набивать карманы камнями и, подобно обезумевшим садовым ножницам, обрывать ветви с кустов. Ему просто казалось это... необходимым.

Когда с дрожащими руками он опустился на пол, мусор под его весом приобрел другую форму. Каменная поверхность под коленями вселяла спокойствие. Раскладывая деревянные

палочки, последователь обращался шепотом не только к Смерти, но и ко всем безликим святым.

А затем он поднял нож.

Как только упали первые капли крови, наступило облегчение. Абсолютный страх уступил место желанному покою.

К тому времени, когда он осознал, что умирает, было уже слишком поздно.

2. Дамиан

Дамиан Вентури устал от смерти.

По правде говоря, он устал от всего. Ночные сумерки давно приблизились к рассвету, и ему становилось все труднее удерживать внимание на мертвом теле последователя, распластавшемся перед ним. Он поправил воротник форменного мундира Палаццо в надежде ослабить давление, нараставшее в горле.

Весь вид Леонцио Бьянки, бывшего последователя Смерти, говорил о том, что его отравили. На мертвенно-бледных губах блестел слой отвратительной пены, на предплечьях резко выделялись вздувшиеся, похожие на синяки вены. Несмотря на это, выражение его лица казалось безмятежным, изгиб рта – мягким, будто он безропотно отдался на милость смерти.

Дамиан, еле сдерживая дрожь, отстранился от тела Леонцио. В спальне последователя стоял холод, тусклое мерцание свечи отбрасывало тени на позолоченные стены. Возможно, все дело в обстановке, но было что-то гнетущее в темноте, сгустившейся по краям этого оранжевого свечения. Что-то тревожное ощущалось в том, как голова Леонцио была повернута лицом к зеркалу на другом конце комнаты, отражаясь в нем.

– Ну что?

Голос главного магистрата прервал осмотр Дамиана: от испуга он заметно отшатнулся от кровати. На его лбу выступил пот. Смерть неизменно возвращала его во времена, проведенные на войне. Грудь тут же сдавило, кровь вскипела в жилах, а ноги налились свинцом, словно он волочил их по грязи.

– Не знаю, – ответил Дамиан, поворачиваясь лицом к главному магистрату. Он говорил отрывисто, но вежливо. Ярость магистрата буквально витала в воздухе: Дамиан почувствовал ее в тот самый миг, когда мужчина вошел в комнату. – Могло ли это быть самоубийством?

Главный магистрат Форте, последователь Изящества, высокий человек с безупречно зачесанными волосами и тонкими усами, взглянул на Дамиана поверх очков. Форте занимал должность, на которую был избран представителями гильдии на смену его предшественнику, чуть больше года. Не так уж часто подобную роль исполнял один из последователей Изящества, поэтому Дамиан задавался вопросом: не этот ли опыт сделал Форте таким жестоким и бескомпромиссным человеком, каким он видел его сейчас перед собой?

– Самоубийство? – Форте насмешливо повторил озвученное предположение, ощупывая руками одежду и простыни покойника в поисках какой-нибудь подсказки. Последователи Изящества обладали особой связью с такими вещами: именно это умение делало их превосходными ткачами, способными создать из ткани что угодно: от брюк до гобеленов, не прибегая к нитке и иглке. – Это было бы очень удобно для вас, синьор Вентури.

– Прошу прощения? – невольно сорвалось с языка Дамиана. Будучи главным магистратом, Форте считался земным гласом святых, однако это звание не наделяло его особой тактичностью. Дамиан вернулся в Омбразу всего год назад и точно успел в этом убедиться.

– Будь это добровольный уход, – продолжил Форте, – это не значило бы, что стража Палаццо не справилась с защитой высокопоставленного государственного чиновника.

Произнося эти слова, он не смотрел на Дамиана. Главный магистрат отстранился от кровати, а между его кустистыми бровями пролегла хмурая складка.

– Леонцио определенно умер в этой одежде, в остальном же ничего необычного в ней нет. – Взмахом руки простыни расправились и накрыли тело последователя.

Дамиан обрадовался, что ему больше не придется смотреть на мертвеца, однако его облегчение испарилось с последующими словами Форте:

– Кстати о страже Палаццо. Где ты находился прошлой ночью, Вентури? Разве в твои полномочия не входит предотвращать подобные происшествия?

В душе Дамиана вспыхнуло недовольство, но он стиснул зубы в попытке сдержать рвущийся наружу ответ.

– Приношу свои извинения, mio signore¹. Я был в Меркато.

Еженедельный городской рынок, работавший по ночам, давал последователям возможность продавать и обменивать товары. Четыре гильдии, занимавшиеся ремеслами, – Сила, Изящество, Терпение и Хитрость – являлись основой экономики Омбразии и причиной, почему та считалась центром торговли. Склонность Изящества к тканям дополняла склонность Силы к камням, Терпения – к металлам, и Хитрости – к химикатам. Поэтому их основной функцией было изготовление оружия, текстиля, изделий из камня и всевозможных эликсиров для отправки в другие земли.

Все последователи представляли собой потомков первых святых, но не все из них обладали магией. Иногда, как рассказывал Дамиану отец, предпочитаемые ими способности проявлялись у них через поколение или вовсе исчезали, когда родословная излишне разбавлялась.

Потомки без магии – такие люди, как Дамиан, – не являлись последователями. Они были немногим лучше остальных заурядных граждан.

Вот почему выполнение функций стражи – единственный для Дамиана способ попасть в Меркато. Производимые товары не предназначены для людей вроде него. Тем, кому нечего предложить обществу, невозможно примкнуть к последователям. В случае если кто-то из заурядных жителей решал нарушить это правило, стражники тут же выпроваживали его. Лишь благодаря своей деятельности Дамиан имел шанс приблизиться к той жизни, которая могла бы быть у него.

Однако он и Форте прекрасно знали, что ему, как начальнику стражи Палаццо, следовало делегировать свои обязанности. Когда он не совершал обход храмов, его работа заключалась в том, чтобы находиться *здесь*, в самом Палаццо. А наиважнейшей задачей было защищать последователей, выбранных представлять свою гильдию.

– Ты был в Меркато, – вкрадчивым голосом повторил Форте слова Дамиана. – Разве ты вчера не совершал обход храмов?

– Нет, – признался он, поморщившись. – Я думал...

– Нет, Вентури, – прервал его главный магистрат. – Ты *не думал*. И это совершенно очевидно. – С каждым словом он приближался к Дамиану на шаг, тыча пальцем в его грудь. – Гильдии доверяют нам защиту своих представителей. А я доверяю *тебе* Палаццо как самое безопасное место в Омбразии. И тем не менее в ночь, когда один из наших последователей оказывается мертв, ты развлекаешься в Меркато?

Дамиан сглотнул, протесты готовы были сорваться с его языка. Ему хотелось возразить, сказать, что он отнюдь не *развлекался* там, но месяцы службы показали: это ничего не изменит.

– Mio signore, уверяю вас, ни один человек не смог бы проникнуть в комнату последователя без ведома моих офицеров. К тому же, – он указал подбородком на тело, – у него отсутствуют какие-либо повреждения. Либо что-то вызвало внезапную аневризму, либо его отравили. Поверьте, мы очень тщательно следим за тем, кто входит и выходит из Палаццо.

Ноздри главного магистрата раздулись.

– По всей видимости, не очень тщательно.

Дамиану нечего было ответить. В Омбразии за короткий промежуток времени произошли уже две необъяснимые смерти: первой погибла молодая девушка, вторым – юноша примерно одного возраста с Дамианом. Их тела доставили в городской морг, а Форте даже не удостоился назначить офицеров для расследования. «*Заурядные постоянно враждуют между собой*», – сказал тогда он. А потому не имело значения, двумя больше или меньше.

¹ Mio signore (итал.) – мой синьор.

Однако на этот раз все было иначе. Последователи Смерти выбрали Леонцио Бьянки, чтобы тот представлял их интересы в Палаццо. Его внезапная кончина напугает и разгневет людей.

– Как-то слишком удобно, – прорычал Форте. – Избрать мишенью представителя Смерти, чтобы никто не смог «прочитать» тело?

Дамиан невольно кивнул. Ему приходила в голову та же мысль. Последователь Смерти, обладавший способностью вступать в контакт с умершими до того, как душа покинет тело, мог бы выяснить, что случилось с Леонцио.

Но, учитывая, что Леонцио и был тем самым последователем Смерти в Палаццо, им, скорее всего, не повезло. Души, как правило, надолго не задерживались в телах.

– Я приведу кого-нибудь, – заверил Дамиан главного магистрата. – На всякий случай.

Все еще сомневаясь, Форте провел ладонью по лбу.

– Разберись с этим, Вентури. Мы не сможем скрывать произошедшее от общественности, поэтому нам нужно как можно скорее получить все ответы. А то я уже начинаю подумывать, не совершил ли мой генерал ошибку, назначив своего сына начальником стражи. – Он достал из кармана серебряные часы, как будто ему срочно нужно было попасть в какое-то очень важное место посреди ночи. – Я позволил Баттисте вернуть тебя с севера и могу с такой же легкостью отправить обратно.

Слова сочлись ядом и глубоко ранили. Дамиан вряд ли сумел бы выдержать возвращение на войну. Его нервы и без того были натянуты как струны.

– Я выясню, что случилось, – пробормотал он. – Я вас не подведу.

Форте смерил его недовольным взглядом.

– Уж постарайся. Доложи мне завтра. Если ты подозреваешь, что тут замешана отравка, то, полагаю, знаешь, с чего следует начать.

С пылающими щеками Дамиан поклонился Форте, после чего мужчина выскользнул из комнаты, его массивная фигура растворилась в темном коридоре. Ну вот, еще одна бессонная ночь. Порой он жалел, что после возвращения отец повысил его в звании.

«Это чтобы отвлечь тебя, – сказал тогда Дамиану Баттиста Вентури. – Потому что я знаю, каково это – остаться наедине с темными мыслями».

Дамиан все ждал, когда эти мысли уйдут. Как можно поставить точку в этом вопросе, если знаешь, что война до сих пор продолжается? Вторая война святых шла уже двадцатый год. Мужчины и женщины на севере сражались намного дольше по сравнению с двухлетним сроком службы Дамиана, но это, как оказалось, ни на что не влияло. Смерть по-прежнему преследовала его каждую свободную минуту. Она водила холодными чудовищными пальцами по его позвоночнику и шептала на ухо всякую бессмыслицу.

Когда-то ему удавалось отвлечься воспоминаниями. Он представлял себе лицо любимой девушки, и ее улыбка прогоняла страх. Но теперь, три года спустя, он видел в памяти Россану Ласертозу лишь разъяренной.

Именно по этой причине Дамиан при любой возможности держался подальше от квартала Терпения. Он видел Роз мимоходом, но после его возвращения в Омбразию они так и не говорили. Роз из его подсознания уже знала обо всех совершенных им грехах, однако реальность, если рассказать ей о них по-настоящему, будет намного хуже. К тому же в ней уже проявилась магия, и, значит, теперь она – последовательница. А Дамиан? Всего лишь сломленный мальчишка, играющий в командира.

Он встряхнул головой, отгоняя от себя эти мысли, и в полный голос, чтобы его услышали за пределами комнаты, позвал:

– Энцо!

В дверях появился худощавый юноша-слуга одного возраста с Дамианом, одетый в форму сизого цвета служащего Палаццо. Когда Дамиан прибыл, тот стоял снаружи комнаты и с тех

пор, по-видимому, не сдвинулся с места. При виде накрытого простыней тела его лицо ожи-вилось.

– Signore?

Дамиан вздохнул.

– Форте ушел. Так что можешь меня так не называть.

Энцо тут же расслабился, проведя рукой по черным как смоль блестящим волосам. Он работал в Палаццо меньше месяца, но они с Дамианом быстро подружились.

– *Merda*², – выругался он, по-прежнему не сводя глаз с кровати. – Он действительно мертв?

– Как видишь. – В голосе Дамиана проскользнули резкие нотки. Энцо ни разу не бывал на севере и поэтому никогда не видел мертвецов. Странно, что в этом возрасте его еще не призвали в армию, хотя это лишь вопрос времени. Все годные к службе и заурядные в конце концов оказывались там.

– И Форте ждет, что ты выяснишь, как это случилось?

Дамиан покосился на Энцо.

– Ты даже не собираешься *делать вид*, будто не подслушивал?

На лице Энцо не было и тени раскаяния.

– Трудно было не услышать. Чем я могу помочь?

От его вопроса у Дамиана голова пошла кругом, и на мгновение он замолчал, обдумывая дальнейший план.

– Не мог бы ты привести ко мне синьору Де Лука?

– Разумеется. – Однако Энцо не торопился уходить и с любопытством разглядывал Дамиана. – Все в порядке? Ты как будто немного... не в себе.

Плечи Дамиана поникли, он больше не пытался изображать уверенность. Он указал на кровать.

– Это все *из-за меня*. Мне следовало находиться здесь.

– Ты не знал, что так произойдет. И ты не единственный, кто был на дежурстве.

– Это ничего не меняет.

Энцо колебался, чувствуя беспокойство.

– Энцо, прошу тебя. Ты больше ничего не можешь сделать.

– Ну ладно. – Слова дались ему с трудом. – Я скоро вернусь.

Когда шаги Энцо стихли, Дамиан опустился в рабочее кресло мертвого последователя. В ушах стоял звон, который вскоре перерос в эхо выстрелов. В голове они усиливались тысячекратно; выступивший на лбу холодный пот не имел никакого отношения к случившемуся в Палаццо. На одно мгновение он очутился по щиколотку в грязи. Голова кружилась от ужаса, когда он тащил окоченевшее мертвое тело товарища с передовой. Сколько раз эти воспомина-ния всплывали в его кошмарах?

«*Ты солдат. Начальник стражи Палаццо. Возьми себя в руки, ты...*»

– Прошу сюда, синьора.

В дверях вновь показался Энцо, на этот раз в сопровождении последовательницы Хитрости, проживавшей в Палаццо. Встрепенувшись, Дамиан встал и кивком головы пригласил Джаду Де Лука в спальню.

– Спасибо, что пришли. Энцо, не мог бы ты сходить в храм Смерти? Попроси гильдию прислать в Палаццо одного из своих последователей. Любого. Мне нужно «прочесть» тело.

Дамиан всегда испытывал некоторую неловкость, отдавая приказы своему другу. Но в ответ Энцо лишь кивнул и, бросив на Дамиана еще один многозначительный взгляд, раство-рился в темном коридоре.

² Merda (*итал.*) – дерьмо.

При виде тела Леонцио Джада подавила всхлип. Возрастом она была старше Дамиана – возможно, за двадцать – но при этом выглядела весьма худенькой и юной, с темными волосами и еще более темными глазами.

– Значит, это правда. Он действительно мертв. – Она коснулась пальцами век, а после сердца – в знак святых покровителей.

– Судя по всему. Простите, что пришлось вызвать вас в столь ранний час, но мне требуются ваши профессиональные навыки. Мне нужно знать, что за яд его убил.

Будучи последовательницей Хитрости, Джада разбиралась в ядах, как никто другой. Она могла почувствовать химические реагенты в венах Леонцио, провести своего рода частичное вскрытие без разрезов.

– Как такое могло случиться? – хрипло произнесла Джада. – У вас же офицеры в каждом крыле Палаццо, разве нет?

Она не хотела никого обвинять, но ее слова прозвучали иначе.

– Некоторые вещи мне неподвластны, синьора. Не будете ли вы так любезны? – Дамиан выразительно указал на тело. Джада робко приблизилась к кровати, в тусклом свете лицо ее казалось бледным.

Руки, словно белесые мотыльки, запорхали над грудью мертвого мужчины. Она распахнула малиновую ткань его халата, губы шевелились, произнося слова, которые Дамиан не мог разобрать. Он видел, как она откинула голову Леонцио назад, раскрывая челюсти. В свете свечи блеснули зубы.

– Судя по цвету губ, могу предположить, что в последние минуты жизни он боролся за воздух, – сказала Джада. – При этом внешний вид кожи говорит о том, что яд проник через кровь, а не через отравляющее вещество... В его теле точно какая-то гадость, хотя трудно определить, какая именно. По ощущениям напоминает пыльный сорняк: убивает мгновенно, как только попадает в кровеносную систему, но, если принять растворенным в воде, может вызывать удушье.

Дамиан нахмурился.

– Вы не знаете наверняка?

– *Стойте!* – резкий возглас Джады прозвучал как шелчок кнута. Она задрала рукав халата Леонцио, обнажив нежную кожу на внутренней стороне бицепса. Дамиан увидел на нем отметину – темное пятно, похожее на свежую чернильную кляксу, с расходившимися в разные стороны черными щупальцами. Джада осторожно прикоснулась к коже и тут же отпрянула, как от ожога. – Нет, нет. Это не пыльный сорняк.

Зубы Дамиана сомкнулись с громким лязгом.

– Что?

– Пыльный сорняк оставляет сетчатый рисунок и почти никаких следов в месте инъекции. А эти отметины тянутся вдоль вен от точки введения, – Джада наклонилась вперед и, уже не прикасаясь к коже, провела указательным пальцем по линиям, поднимающимся по руке покойника. – Здесь что-то другое. Я не узнаю этот яд ни по внешнему виду, ни по ощущениям. Да и уже слишком поздно его извлекать.

Дамиан поник. Если Джада не знала, что убило Леонцио, то составить список подозреваемых будет труднее.

Хотя первый подозреваемый у него все-таки имелся.

– Признаки указывают на то, что он мертв около пяти часов, – добавила Джада, не замечая его беспокойства.

– Все верно. – Дамиан знал, что теперь следует делать. Он погасил свечу и потянулся к наручникам на поясе. – Джада Де Лука, – с трудом произнес он. – Я арестовываю вас по подозрению в убийстве Леонцио Бьянки. Если попытаетесь оказать сопротивление, лишитесь

жизни. Сначала вы будете незамедлительно подвергнуты допросу, а далее – как я посчитаю нужным.

Его захлестнуло чувство вины, когда побледневшая Джада подставила запястья. Он искренне сомневался в виновности этой кроткой женщины, но должен был убедиться. Сковав ее руки наручниками, он повел ее по лестнице вниз. Она шла медленно, покачиваясь, не говоря ни слова. Будто была не удивлена таким поворотом событий, а скорее разочарована.

В подземельях Палаццо царила могильная тишина из-за отсутствовавших нынче преступников и дезертиров. Дамиан провел Джаду в комнату для допросов, сплошь из холодного камня и мрачных теней. Девушка села, изучая его со смесью страха и тревоги. Дамиан остался стоять.

Джада сложила скованные руки на столе перед собой и переплела пальцы так, что костяшки побелели. Ее темные глаза неотрывно смотрели на него.

– Очень кстати, не правда ли, – начал Дамиан, – что Леонцио отравили всего через несколько дней после того, как вы двое поссорились из-за новой политической инициативы.

Мотив был довольно слабым: последователи Палаццо постоянно спорили. Им приходилось это делать, чтобы находить такие политические решения, которые бы приносили наибольшую пользу городу. И несмотря на умение Джады взаимодействовать с химикатами, она была не настолько глупа, чтобы убивать Леонцио таким способом. Тем более понимая, что это делает ее главной подозреваемой.

Однако мнение Дамиана ничего не значило. Форте дал совершенно четкие указания.

Если ты подозреваешь, что тут замешан яд, то, полагаю, знаешь, с чего следует начать.

Главному магистрату Форте, высшему должностному лицу Палаццо, как символически, так и фактически нельзя было перечить. Последователи доверяли ему. Почитали его. Они были убеждены, что он каждый день общается со святыми и узнает их волю. Он – жирный паук, находящийся в центре политической паутины.

Джада была первым человеком, кого хотел допросить Дамиан, но не последним. Палаццо – да и весь *город* – кишел людьми, чьи мотивы он не мог разгадать.

Джада облизала губы, в ее глазах вспыхнул блеск.

– Офицер Вентури, клянусь вам, это не я. Мне незнаком яд, и я сомневаюсь, что смерть Леонцио была добровольной. Мне кажется... – ее голос понизился до шепота. – Знаете, до меня доходили слухи от других последователей. Мне кажется, в Палаццо поселилась тьма.

Дамиан в замешательстве сжал переносицу двумя пальцами.

– Что это значит?

Между ними повисло молчание, отчего даже воздух похолодел. Наконец, Джада ответила:

– Кто-то – или что-то – сумел проникнуть в Палаццо и убить представителя, не вызвав ни у кого подозрений. Не оставив никаких следов, – Джада говорила сбивчиво, в ее словах звучали нотки отчаяния. Она перегнулась через стол, устремив на Дамиана взгляд, полный ужаса. – При всем уважении, *miò signore*, вам не стоит обвинять меня в убийстве. А следует побеспокоиться о том, не стану ли я следующей.

3. Роз

Россана Ласертоса терпеть не могла толпу.

Она ненавидела возникшее, пока ты пробираешься сквозь потоки людей, раздражающее чувство полнейшей близости и потому хорошенько пихала каждого, кто недостаточно резво убирался с ее пути. Толпа двигалась до ужаса *медленно*, а для Роз неторопливый темп был неприемлем.

Она разглядывала красочный ночной рынок, который раскинулся от пьядцы³ до боковых улочек. Последователи передвигались между прилавками группами, возбужденные голоса пронизывали ночной воздух. Меркато проводился каждые выходные, от заката до рассвета, и был одним из многих мероприятий в Омбразии, которые предназначались исключительно для последователей. Здесь продавали множество магических товаров: мантии, зачарованные для отражения пламени; ножи, никогда не требовавшие заточки; замки, которые открывались от прикосновения лишь определенного человека. Над последним изобретением Роз на протяжении нескольких недель с перерывами трудилась сама. Учитывая недавнюю деятельность мятежников, замки пользовались большим спросом, и, чтобы удовлетворить его, им с другими последователями Терпения пришлось снизить темп выпуска военных запасов.

По мнению Роз, самым неприятным в том, чтобы быть последователем, была необходимость тратить уйму времени на создание магических предметов. Ей было неинтересно использовать свою склонность к металлу для поддержки и без того процветающей экономики Омбразии. Да и в целом ее мало волновала экономика. Тем более та, которая приносила пользу лишь части населения.

Стиснув челюсти, она проталкивалась сквозь очередную группу людей. В Меркато встречались не только магические товары, но и обычные предметы: оружие и дорогие ковры, статуэтки ручной работы и травяные эликсиры. Все то, что последователи могли создать за половину времени, требуемого тому, кто не обладает магическими способностями. Все те вещи, которые при экспорте приносили неплохие деньги.

Эта часть Омбразии отличалась красотой: здесь лунный свет золотил брусчатку там, куда не падал свет фонаря. Здесь потомки святых могли делать вид, что менее привлекательных мест в городе не существует.

Тут через дорогу Роз заметила последовательницу Хитрости, стоявшую за прилавком с пузырьками, в которых бурлила непрозрачная черная жидкость. До нее долетел сильный аромат сахара и железа. Поддавшись ему, она приблизилась, стуча каблуками сапог по булыжникам, и коротко улыбнулась продавщице.

– Мне как обычно.

Взгляд рыжеволосой последовательницы метнулся к нахмурившемуся мужчине, перед которым встала Роз, – сейчас подошла его очередь. Тем не менее спорить она не стала и полезла под прилавок, доставая пузырек с мерцающей жидкостью. Роз взяла его и передала оплату.

– Спасибо. – А потом, хлопая ресницами, обратилась к мужчине позади нее, молча закипавшему от злости: – Прошу прощения, *signore*. Я спешу.

На самом деле это было не так. Однако прямое обращение заставило его выпрямиться и немного смягчить гнев.

– Ничего страшного.

Наверное, мужчина надеялся услышать от нее что-то еще, но Роз лишь одарила его очередной рассеянной улыбкой и развернулась на каблуках. Она сунула пузырек в карман куртки, скользнув большим пальцем по восковой пробке.

³ Пьяцца (*итал.*) – базарная площадь.

Краем глаза девушка заметила всполох огня, минуя прилавок с некоторыми ее знакомыми последователями Терпения. Их окружал привычный металлический аромат магии, и Роз, чтобы ее не узнали, ускорила шаг. Притормозила, лишь когда на краю пьезцы обнаружила двух стражников, и притворилась, будто с интересом разглядывает витрину с шелковыми халатами. Пока она старалась изо всех сил подслушать их разговор, к первым двум офицерам присоединился третий, который тащил за собой какого-то мальчишку. Парень был ровесником Роз, с копной рыжих волос и вздернутым носом. Его одежду покрывал такой толстый слой пыли, что она казалась серой. Он сыпал проклятиями, пытаясь освободиться из наручников, изготовленных гильдией Терпения, но стражники не обращали на это внимания.

«Дурак», – тягостно подумала Роз. Ему должно быть прекрасно известно, что наручники способен открыть только тот офицер, кому они были выданы.

– Даю тебе пять секунд, чтобы ответить на мой вопрос, – рявкнул третий стражник. Роз украдкой посмотрела на него. Это был высокий мужчина с не улыбчивым лицом и шапкой черных волос. Без сомнения, бывший солдат. Как и большинство стражников в Палаццо.

И все же это не *он* – при этой мысли Роз внутренне расслабилась.

Она знала, что Дамиан Вентури где-то рядом – за последний год не раз видела его издалека, – но сама мысль наткнуться на него здесь заставляла ее сердце биться чаще. Интересно, что другие офицеры думали о Дамиане как о командире? Боялись ли они его так же, как люди боялись его отца? Она не сомневалась, что ее друг детства пошел по кровавым стопам Баттисты Вентури.

Покрытый пылью мальчишка выдернул свои скованные запястья из рук офицеров.

– А как же хороший стражник и плохой стражник?

Роз ухмыльнулась, уткнувшись в халаты, в то время как стражники, не снизойдя до ответа, злобно прорычали:

– Ты зачем шнырял по Меркато?

– Я не шнырял!

– А по мне – все выглядело именно так. – Стражник замолчал, кивнув проходившему мимо последователю Милосердия, а после вновь обернулся к мальчишке: – Нет кольца – нет входа.

Роз машинально глянула на тонкий ободок на указательном пальце, обозначавший ее принадлежность к последователям. Как и всегда, при виде него она поморщилась. Свои способности она обнаружила позже остальных: когда их с Дамианом тестировали в возрасте тринадцати лет, никто из них не выказал признаков магии. Ее взаимосвязь с металлом проявилась лишь три года спустя. К тому времени Дамиан уже ушел на фронт, а ее отца убили за дезертирство. Возможно, Роз и могла бы скрывать свою истинную сущность, но без скромного военного пособия Якопо Ласертозы у нее оставался только один вариант – гильдия Терпения. Пусть она и ненавидела то, кем была, зато таким образом могла поддержать себя и свою мать. Однажды став последователем, даже если твой отец – предатель, тебе никогда не придется голодать.

Голос стражника, обратившийся к парнишке, вновь привлек ее внимание:

– Что тебе известно о мятеже?

А вот это что-то *новенькое*. Роз неестественно замерла, адреналин хлынул в кровь. Насколько ей было известно, главный магистрат и Палаццо не воспринимали угрозу мятежа всерьез.

– Я ничего не знаю, – огрызнулся парень.

Офицер, прищутив глаза до щелочек, смерил его долгим взглядом.

– Хм-м. – Затем, в конце концов, смягчился: – Плати штраф и можешь идти.

Но мальчишка, вместо того чтобы испытать облегчение, напрягся еще сильнее.

– У меня... у меня нет денег.

Не успел стражник ему ответить, как Роз развернулась и неторопливо подошла к ним, откинув с головы капюшон куртки. Ее темный хвост рассыпался по груди. Она улыбнулась трем офицерам своей самой обезоруживающей улыбкой.

– Я невольно подслушала ваш разговор. И с радостью заплачу штраф, если вы избавитесь от него. – Она демонстративно сморщила нос в надежде, что парень не воспримет этот жест на свой счет. Как будто ей это было не впервой. – Сколько?

Хмурое выражение лица стражника сменилось льстивой улыбкой, и он отступил от мальчишки, как только его взгляд упал на руку Роз.

– Ничего страшного, синьора. Вам не стоит беспокоиться об этом.

Его слова, скорее всего, должны были выражать вежливость, однако он как будто пытался успокоить ее – Роз это не понравилось. Она склонила голову, глядя на мужчину с презрением.

– Он ведь сказал, что у него нет денег. Либо примите мое предложение, либо отпустите его.

Должно быть, ее тон оказался убедительным, потому что стражник снял с мальчишки наручники и чуть ли не вытолкал с пяццы.

Роз снова улыбнулась, на этот раз не столь любезно.

– Я слышала, прощение – благородная черта. – Она не стала упоминать о том, что сама почти ею не обладала.

Пока стражники изумленно переглядывались между собой, девушка вновь накинула капюшон и скрылась в темноте.

Вскоре искусно высеченные колонны и отделка из кованого железа уступили место унылой архитектуре и шатким деревянным воротам. Воздух сделался едким и щекотал ноздри. В этой части города фонарей не было и темнота стремилась заполнить все пространство, куда не мог проникнуть лунный свет. Омбразия делилась на шесть кварталов в соответствии с шестью оставшимися первыми святыми, отчего заурядным приходилось ютиться где-то между ними. Вот поэтому они решили занять заброшенный квартал, когда-то принадлежавший седьмому святому.

Каждый последователь происходил от одного из первых святых: Силы, Терпения, Хитрости, Изящества, Милосердия, Смерти и Хаоса. Однако время от времени рождался последователь, чья сила не уступала силе соответствующего ему первого святого. В таком случае он считался его воплощением – чуть ли не самим божеством.

Как показала история, святой на земле – довольно опасное явление. Семьдесят лет назад одновременно существовали два воплощения: Силы и Хаоса. В борьбе за власть они раскололи страну надвое. Северная часть – ныне независимый город-государство под названием Бречаат – потерпела сокрушительное поражение. Ее жители сплотились вокруг Хаоса, который, как и все его предшественники с начала времен, проиграл. Все сходились во мнении, что это к лучшему: последователи Хаоса являлись иллюзионистами со способностями к разуму, а значит, были слишком сильны. Больше нельзя было допустить рождения очередного воплощения Хаоса. Поэтому выжившие его последователи были уничтожены, а само его обличье – стерто со всех изображений пантеона. В Омбразии – в южной части, одержавшей победу, – малейшее упоминание о падшем святом считалось еретическим.

Так закончилась Первая война святых.

А теперь люди оказались втянуты во вторую.

Несмотря на не слишком приятный пейзаж территории заурядных, Роз почувствовала, как напряжение спадает. Стук ее шагов по камню отдавался эхом, отчего два проходивших мимо молодых человека украдкой бросили на нее взгляд. На них была потрепанная одежда, на лицах застыл страх. Роз задумалась, неужели им удалось уклониться от призыва в армию или же их время еще не пришло. Она кивнула им, но ни один из них не отреагировал на приветствие.

– На вашем месте я бы не стала гулять так поздно, – Роз постаралась говорить так, чтобы ее тихие слова не звучали как угроза, однако это вряд ли ей удалось. – Полагаю, вам известно, что стало с Амели Вильнев.

Один из ребят побледнел и плотнее запахнул ворот своей куртки. Тот, что посмелее, бросил на нее укоризненный взгляд.

– И *все же* ты гуляешь. – Вероятно, ему около тринадцати – столько же, сколько было Амели. Роз рассмеялась в ответ, заставив его отступить назад.

– Да, – призналась она. – В отличие от большинства, меня сложнее убить.

Лицо парня перекошилось, в то время как его спутник безмолвно потянул его за руку. Разумеется, они слышали об Амели – а кто нет? Два месяца назад ее холодное тело нашли брошенным в неосвященном переулке, недалеко от ее дома.

И никто, *будь они прокляты святыми*, ничего не предпринял.

– Проваливайте отсюда, – велела Роз парочке, которая к тому времени уже порядком испугалась. – Идите домой.

И они послушались, едва не пустившись от нее наутек. Она смотрела им вслед, пока те не скрылись за углом в конце улицы. В ее животе будто разверзлась пустота.

«*Идиоты*». Амели только-только похоронили, а люди уже напрочь позабыли об осторожности. Она ведь была не единственной жертвой: не так давно на берегу реки, за пределами квартала Терпения, обнаружили мертвое тело молодого человека, чья личность до сих пор не установлена. Оснований полагать, что эти два события как-то связаны, не было, однако Роз не могла не заметить, насколько мало усилий прилагалось для поимки преступника. По сути, Палаццо еще даже не сообщило о смертях публично.

«*Раз они не последователи, то не имеют значения*», – подумала Роз и сплюнула на землю. Если бы она сама стала следующей жертвой, как бы отнеслись к ней? Ее смерть попала бы в заголовки газет и привела бы в бешенство Омбразию? Или же Палаццо, зная ее как дочь предателя, обрадовалось бы такой потере?

Роз замедлила шаг, приближаясь к «Бартоло», полуразрушенной таверне без какой-либо вывески. У входа в нее сидели трое детишек – уличные беспризорники, чьих родителей наверняка призвали на фронт, – в надежде, что хозяин таверны вынесет им еды. Всю дорогу, пока Роз шла к двери, их огромные глаза на осунувшихся лицах взирали на нее.

Из таверны доносились громкие и неразборчивые голоса. Роз уже потянулась к ручке, приготовившись к предстоящему шуму, но столкнулась лицом к лицу с выходящим пьянчужгой.

Мужчина присвистнул, скользнув по ней стеклянным взглядом.

– Так, так, так. Добрый вечер. – Он рукой попытался обвить ее бедра, но Роз перехватила его запястье раньше, чем мужчина успел к ней прикоснуться. Ростом он был ниже Роз, как и большинство людей, и к тому же слишком хлипким, чтобы представлять реальную угрозу.

– Смотреть – бесплатно, – холодно произнесла она, вынув нож одним плавным движением. – А если хочешь потрогать – отдавай взамен палец.

Пьяница попятился и чуть не споткнулся о собственные ноги, его румяное лицо сделалось еще краснее.

– Грязная шлюха, – невнятно пробормотал он.

Роз цокнула языком.

– А может, мне стоит забрать язык?

Мужчина вынул свой собственный нож настолько неуклюже, что она не удержалась от смеха. Интересно, в этом забытом святыми городе вообще можно пойти туда, где мужчина не попытается предьявить на нее свои права?

Тем не менее этот тип был слишком пьян, чтобы с ним драться. Поэтому она выволокла его за шкурку на улицу и пнула в живот. Тот шумно охнул и, оступившись, плюхнулся на задницу.

Оставив его в таком положении, Роз захлопнула за собой дверь таверны.

Как только она вошла внутрь, на нее обрушились свет и шум. Подернутый дымкой воздух пропах куревом и алкогольными парами. В «Бартоло» частенько бывалолюдно, особенно по выходным. Роз поморгала, пока глаза не привыкли, а потом, проталкиваясь сквозь посетителей, направилась к бару, где ее ждала темноволосая девушка.

– Насим, – Роз пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум. Насим Кадера, прямолинейная и неизменно преданная, была одной из немногих, кого она считала другом. – Где Дев?

Насим бесшумно вздохнула и кивком указала вглубь помещения, где в полном одиночестве сидел светловолосый парень.

Девере Вильнев, убитый горем старший брат Амели, скрючился на стуле. Стол перед ним был заставлен пустыми стаканами – от такого зрелища в груди Роз неприятно заныло. Он явно пробыл в этом месте весь день, а также вчера и позавчера. На него было больно смотреть. Именно он нашел тело Амели, холодное и неподвижное, на тротуаре, и с тех пор больше никто не видел его улыбку.

– Вот черт, – Роз облокотилась на барную стойку и жестом попросила бармена принести ей выпивку. Тот без вопросов принялся выполнять заказ.

– Ага, – согласилась Насим, чокаясь краешком своего бокала с бокалом Роз. – Ну, будем. Роз сделала плоток. Сегодня вино горчило сильнее обычного.

– В котором часу он начал пить?

– Слишком рано.

– Незадолго до полудня, – грубо вмешался бармен, который подслушивал их разговор, пока протирал грязной тряпкой барную стойку. – И довольно быстро набирает обороты.

На этот раз вздох сорвался с губ Роз. Насим, закусив нижнюю губу, вновь перевела взгляд на Дева.

– Он до сих пор не стремится ни с кем говорить.

– И его можно понять, – ответила Роз. Она вспомнила их самую первую встречу. Дев наткнулся на нее, когда после наступления ночи она метала ножи сбоку от таверны. Он прислонился к стене, изогнув губы в хитрой усмешке. Роз боялась, что сейчас он сделает ей какое-нибудь гнусное предложение, но вместо этого Дев сказал: *«Наверное, лучше всего целиться во что-то более мягкое, чтобы нож смог воткнуться»*. Затем кивком указал на выходящего из здания мужчину: – *«Как насчет него?»*

Его слова вызвали у Роз смех, и с тех пор они стали друзьями. Дев был беззаботным, озорным парнем, неспособным на серьезность, даже если отвесить ему подзатыльник.

До недавнего времени.

Деву требовалось время, чтобы справиться со своим горем, и Роз позволила ему. Однако лучше не становилось, поэтому она больше не могла сидеть в стороне и наблюдать за тем, как он изо дня в день напивается до беспамятства.

Роз сжала свой бокал с излишней злостью.

– Идем, – обратилась она к Насим, которая в ответ только невесело усмехнулась.

– Наверное, тебе стоит поговорить с ним одной. – Насим передвигала стакан между ладонями, стараясь не встречаться с Роз глазами. – С недавних пор он не особо хочет со мной общаться.

– Уверена, это не так.

Насим взглянула на Роз из-под ресниц.

– Роз, я прекрасно знаю, когда человек не хочет меня видеть. Так что все в порядке.

Нет, не в порядке. Роз видела, как Насим и Дев, казалось, сближаются, – то, чего она не могла достичь. Из-за этого ее жалкой эгоистичной натуре становилось неловко. В конце концов, кроме них двоих, у нее никого не было.

Однако в последнее время горе Дева, похоже, стало заразительным. Отношения дали трещину, и Насим позволила ему отдалиться.

В отличие от Роз.

Лавирование между столиками и посетителями требовало немалой ловкости, так что по пути вглубь таверны она отдала не одну ногу. Невзирая на хриплый гомон голосов и вездесущую вонь, ей было комфортно в этом месте. Она помнила каждое пятнышко на деревянных столешницах и замечала всякий раз, когда Пьера меняла картины на стенах.

– Дев, – произнесла Роз в качестве приветствия, как только добралась до него. – Не возражаешь, если я присяду?

Дев неуклюже пожал плечами.

Роз восприняла этот жест как согласие. Плюхнулась на стул напротив него, отодвинула пустые бокалы в сторону и со шлепком опустила свой стакан.

– Так не может больше продолжаться.

Дев проигнорировал ее слова. Его волосы лежали в непривычном беспорядке, глаза были полуприкрыты.

– Это Насим тебя прислала?

– Насим здесь ни при чем. – Роз сложила руки на столе, переходя прямо к делу: – Ты же знаешь, никакое количество алкоголя не вернет Амели.

– Да неужели? – протянул Дев, поднося стакан к губам, а потом понял, что тот пуст. – Тогда мне следует прекратить пить в целях некромантии. С этой минуты я пью исключительно ради веселья. Прошу прощения! – он вскинул указательный палец в попытке привлечь внимание бармена. Роз шлепнула его по руке.

– Я знаю, что ты делаешь.

Дев печально моргнул, глядя на нее.

– И что же?

– Тебе кажется, что, напиваясь, ты сможешь убежать от случившегося, – Роз понимала всю жестокость своих слов, но не могла иначе: она не видела своего друга трезвым уже несколько недель. – Ты считаешь себя виноватым в том, что не оказался рядом и не сумел ее защитить. Скажи, что я неправа.

– Не надо, – мрачно прошептал Дев. – Ты не понима...

– Я *не* понимаю? – с губ Роз сорвался недоверчивый смешок. Затем она стукнула кулаком по столу, вынуждая его встретиться с ней глазами. – Тебе известна история моего отца. Думаешь, мне не хотелось погрязнуть в печали, когда его голова появилась у нас на пороге? Или когда моя мать чуть не сошла из-за этого с ума? – Она уже практически шипела, и ей пришлось приложить все усилия, чтобы обуздать свое возмущение.

Дев расстроено сгорбился, его худые плечи ссутулились. А когда заговорил, в словах звучала злоба, так хорошо знакомая Роз:

– Они *ничего* не сделали, Роз. Я знаю, что коронер осматривал ее, но ни мне, ни родителям не позволили ознакомиться с отчетом. Мы до сих пор не знаем, как она умерла. – Он сжал пальцы, вены вздулись под прозрачной кожей. – Палаццо не назначил офицеров для расследования этого дела. Никто не общался с потенциальными свидетелями. Поскольку Амели не относилась к последователям... – Дев сглотнул. – Она как будто ничего *не значит*. Ты хотя бы знаешь убийцу своего отца.

Роз выдохнула, вместе с воздухом выпуская свою злость.

– Ты прав. Знаю. Только что это меняет? Он все равно рассказывает по Палаццо в постоянном окружении охраны, не неся никакой ответственности.

Генерал Баттиста Вентури, отец Дамиана, отдал приказ выследить Якопо, сбежавшего с линии фронта, и расправиться с ним, как с животным.

В аквамашиновых глазах Дева мелькнула тень. Внезапно погружившись в раздумья, он провел указательным пальцем по ободку ближайшего стакана.

– Какой вообще смысл жить, Роз, если мы не можем добиться справедливости даже для самых близких нам людей?

В это мгновение Дев сдался окончательно. Он уткнулся лицом в ладони. Его плечи затряслись, дыхание стало прерывистым. Роз не пыталась утешить его бесполезными словами – знала, что он не хотел бы слышать их. А просто сидела рядом и ждала, пока он успокоится.

– Мы добьемся справедливости, – тихо проговорила она. – Для моего отца. Для Амели.

Когда их взгляды встретились, глаза Дева были сухими. Значит, Роз еще не потеряла его. Они были двумя сторонами одной медали – оба превратили свое горе в злость. Ей лишь пришлось напомнить ему, что месть слаще спиртного.

4. Дамиан

В конце концов Дамиан отпустил Джаду.

Поступок, за который отец непременно бы его упрекнул. Баттиста был не из тех, кто доверял внутреннему чутью. Он действовал на основании фактов и только потом задавал вопросы.

А еще он не знал пощады. Даже вид Джады, побледневшей от страха, оставил бы его равнодушным.

«Мы должны делать свою работу, – любил повторять Баттиста. – Но если позволять эмоциям вмешиваться, велика вероятность совершить ошибку».

Дамиан знал, что так оно и есть. Он и сам воочию видел, к чему приводят сомнения и вера на слово. Но как бы ни пытался запомнить наставления отца, их заглушали воспоминания о словах матери.

«Ты умеешь сопереживать, – сказала она ему с печалью в голосе за несколько дней до своей смерти. – Это умение не менее важно, чем умение стрелять из оружия. Мир может быть суров, Дамиан, но не позволяй ему отнять это у тебя. Ты можешь мне это пообещать?»

Разумеется, он пообещал. Разве можно было поступить иначе? Ведь он не мог, держа в ладонях ее ослабшую руку, не дать ей слово.

И все же иногда Дамиан задавался вопросом, не дал ли он клятву, которую неспособен сдержать. Он всегда считал отца суровым и беспристрастным, но по-другому не могло быть. Когда видишь такое количество смертей и страданий, как Баттиста, невозможно оставаться мягким. Временами на войне Дамиан жаждал вырвать эмоции из своей груди и зашвырнуть их в холодное северное море.

Тем не менее он отпустил Джаду не благодаря сопереживанию. А потому что сомневался, что это сделала она. У нее не было реального мотива. И как бы ни хотелось это признавать, его задела ее слова:

«Вам следует побеспокоиться о том, не стану ли я следующей».

У Дамиана не было доказательств того, что кто-то охотится на избранных последователей, однако сама эта мысль пугала так же сильно, как возможность провалить работу.

Погруженный в свои мысли, он прошел через главный вход Палаццо. В здании было тихо, просторный коридор утонул в тенях. По утрам вроде этого тайны Палаццо буквально витали в воздухе. Они были настолько осязаемы, что невольно возникало желание потянуться к ним и схватить рукой, а потом почувствовать, как они, словно дым, ускользают сквозь пальцы. Открытый потолок, отделяемый арочными колоннами, сменялся крытым проходом, кафельные полы которого украшал выцветший рисунок. В центре помещения весело журчал маленький фонтанчик, на его платформе безликие святые, образуя круг, держались за руки. Время от времени они сдвигались против часовой стрелки – верный признак того, что этот памятник создал последователь Силы.

– Куда направляешься, Вентури?

Дамиан не слышал, как Киран Пракаш поравнялся с ним. На плечах офицерского мундира его товарища красовалась эмблема меча, объятая пламенем, – знак стражника Палаццо. Даже будучи выше Дамиана, он отличался бесшумностью движений. Взъерошенные волосы кудрями обрамляли его лоб, а лицо излучало добродушие. Его сопровождала Сиена Скьявоне, девушка с легкой улыбкой на губах и темными волосами, заплетенными в замысловатые косы. Сиена состояла в одном взводе с Дамианом на севере. Он старался как можно меньше размышлять о том, что она, похоже, справлялась со своей травмой гораздо лучше него.

Хотя, возможно, именно так и воспринимали Дамиана люди, глядя на него со стороны. Ведь он не знал всю глубину переживаний Сиены.

– Привет, – откликнулся Дамиан, замедляя шаг и подстраиваясь под них. – Да вот иду в склеп.

Сиена понимающе поморщилась, положив одну руку на пояс.

– Мы слышали, тебе сильно досталось от Форте из-за смерти Леонцио. – И тут же добавила: – Энцо, – прежде чем Дамиан успел спросить.

Дамиан тяжело вздохнул. Следовало ожидать, что Энцо все расскажет остальным их друзьям.

– Честно говоря, Форте повел себя более-менее предсказуемо. К тому же он прав – я облажался.

Когда они вышли на улицу, Киран глянул на небо. Вот-вот должен был пойти дождь.

– Ты мог бы отправить нас с Сиеной в Меркато.

– Знаю. Но я пробыл там недолго. Ушел, как только Маттео принялся арестовывать нескольких слонявшихся без дела заурядных, – Дамиан вздохнул. – Мне нужно было выбраться. Когда находишься слишком долго в Палаццо, он начинает...

– Вызывать клаустрофобию? – подсказала Сиена.

«В самую точку», – подумал Дамиан. Словно чем дольше он находился за позолоченными стенами самого роскошного здания в городе, тем труднее ему становилось дышать.

– Да.

Она вновь окинула его оценивающим взглядом. Должно быть, замеченное в лице Дамиана вызвало у нее беспокойство, потому что девушка сказала:

– Выглядишь напряженным, Вентури.

– Все святые, Сиена! – Киран не удержался от смеха и покачал головой. Темный локон, выбившись из прически, упал ему на скулу, и он снова скрутил волосы в узел.

– А что такого? Это правда.

Ее замечание ничуть не удивило Дамиана. Он подозревал, что большую часть времени именно так и выглядел. После возвращения с севера он отказывался слишком пристально вглядываться в свое отражение, боясь того, что может там увидеть. Боясь обнаружить в себе предполагаемые изменения, которые после уже не сможет не замечать. Он видел, как другие смотрят на него, – будто все его грехи написаны прямо на лице.

Вполне возможно, так оно и было. Все кругом знали историю о том, как у него на глазах умер его лучший друг. Как он в бездумном желании отомстить за него уничтожил сразу трех вражеских солдат. Этот поступок называли *героическим*. И в то же время *пугающим*.

Осознав, что Сиена все еще ждет от него ответа, Дамиан пожал плечами.

– Думаю, так бывает, когда ты двое суток на ногах.

– Тебе нужно поспать. Иначе где-нибудь рухнешь.

– Мне кажется, он уже спит, – предположил Киран. – Моргни дважды, Дамиан, если ты еще не пришел в себя.

Дамиан в качестве доказательства сердито уставился на Кирана, ни разу не закрыв глаза.

Они спустились по сужающимся кверху ступеням парадного крыльца Палаццо и направились по широкой дорожке через сад. На крыше, над каменной кладкой здания, сидела горгулья, которая по мере их продвижения вращалась вслед за ними. Еще одно творение последователей Силы.

– Думаешь, с этим как-то связаны мятежники? – поинтересовался Киран, к счастью, сменивший тему.

Дамиану не нужно было спрашивать, что тот имел в виду. Он уже и сам задавал себе такой же вопрос: могло ли убийство Леонцио стать попыткой мятежников выразить свое презрение к системе.

– Сомневаюсь, что они настолько хорошо организованы, – честно признался он. – Тот, кто убил Леонцио, умен. Ни один человек не заметил его присутствия в Палаццо. Мятежники же, наоборот... действуют неряшливо.

Сиена вскинула выщипанную бровь.

– Это потому что парочку из них поймали, когда они пытались проникнуть в городскую тюрьму? Вряд ли это говорит о неряшливости. Нам впервые удалось опознать кого-то из них.

– Чем больше заурядных отправится на север, тем более дерзким станет их натиск, – заметил Киран. – Поскольку они против войны.

По коже Дамиана вместе с ветром пробежал холодок. Почему люди не понимают, что Палаццо существует, чтобы защищать их? Отстаивать их интересы? На протяжении последних лет мятежники главным образом выступали против того, что заурядных призывали сражаться во Второй войне святых, в то время как последователи были лишены этой обязанности. Однако им нельзя идти. Ведь на их способностях держится вся экономика Омбразии. Даже Дамиан понимал эту разницу.

– Как они могут считать войну пустой тратой времени? – он задавал этот вопрос скорее самому себе, чем Кирану и Сиене. – Бречаат пытается вторгнуться на нашу территорию. Он распространяет *ересь*.

Недружелюбный город-государство до сих пор поклонялся святому покровителю Хаоса. После поражения в Первой войне святых и отделения от Омбразии Бречаат ужасно пострадал. Его жители почти полностью превратились в заурядных, а без экономической поддержки Омбразии быстро скатились в нищету. Но девятнадцать лет назад – спустя всего пятьдесят лет после первой войны и незадолго до рождения Дамиана – Бречаат совершил нападение. Заурядный генерал пробудил горожан от их жалкого сна, распалил их гнев и убедил остальную часть Бречаата: они могут вернуть себе власть, если захватят достаточное количество омбразийских земель и получат контроль над ключевыми торговыми путями.

Однако сделать это оказалось нелегко. С тех пор отношения двух городов-государств зашли в тупик: никто из них не хотел уступать. Бречаат заполучил несколько земель, но не так много, как ему хотелось бы. И если Омбразия не вернет их назад, враг, по убежденности главного магистрата, станет насаждать свои еретические идеалы. Поэтому война продолжается, вызывая у Дамиана страх, что конец ее не наступит никогда.

– Не думаю, что мятежники понимают, сколько богатства и влияния может потерять Омбразия, – сказала Сиена, отвлекая Дамиана от раздумий.

Он согласно кивнул.

Киран пнул твердую землю мыском ботинка.

– Я вот только одного не могу понять: почему Бречаат не хочет сосредоточить силы на своей экономике? Неужели имеет смысл вторгаться в Омбразию, затягивать войну, когда можно налаживать дела в своем собственном государстве? – Он вскинул руки в защитном жесте, когда Сиена и Дамиан бросили на него недоверчивые взгляды. – Я просто спрашиваю!

– Последователи в Бречаате – редкость, – напомнил ему Дамиан. – Как бы они ни старались, им никогда не добиться такой же власти, как в Омбразии. Единственный их шанс – захватить нас.

– И теперь они не отступят, – добавила Сиена. – Тем более когда не сумели получить желаемое.

Разговор прервался, как только они приблизились к входу в склеп Палаццо. Трое молодых людей остановились.

– Эй, – произнес Киран, осматривая окрестности и, похоже, догадываясь о намерениях Дамиана. – Что бы там Форте ни говорил, это не твоя вина. Ты же понимаешь? И ты можешь осматривать тело сколько угодно, но узнаешь больше, только когда будет проведено надлежащее вскрытие.

Наверное, Киран был прав. Во всяком случае, насчет последнего. Дамиан глубоко вздохнул.

– Моя работа – обеспечивать безопасность последователей.

– Но в твою работу не входит находиться везде одновременно, – возразила Сиена. – И Форте это понимает. Его волнует только, какотреагирует город, когда люди узнают, и ему нужен тот, на кого можно свалить всю вину.

– Он сказал, что отправит меня обратно на север, если я не найду виновного.

После этих слов они посерьезнели. Киран медленно произнес:

– Он этого не сделает. Твой отец не позволит.

Дамиан чуть не рассмеялся в ответ. По рассказам Кирана он знал, какая у того большая любящая семья, которая обожает его не только за то, что его должность в Палаццо – их основной источник дохода. Они были рады до слез, когда их сын вернулся с войны целым и невредимым.

Баттиста Вентури совсем не такой. Дамиан лишь однажды видел на отцовском лице гордость за него, и это был худший день в его жизни.

Он издал невнятный звук.

– Моему отцу пришлось сильно постараться, чтобы убедить Форте дать мне эту работу. Если он решит меня убрать, его никто в этом не переубедит.

– Мы с Сиеной попытались бы, – Киран криво усмехнулся, легонько пихнув руку Дамиана локтем. – Слушай, не паникуй раньше времени. Форте – мужик суровый, но здравомыслящий. Он понимает, что на подобные вещи нужно время. – Киран указал на дверь в склеп: – Хочешь, мы пойдем с тобой?

– Нет. Но все равно спасибо, – Дамиану нужно было побыть одному, *подумать*. Осмотреть тело без нависающего над ним главного магистрата Форте. Он глянул на хмурое небо. – Ваша смена почти закончилась, а позже нам понадобится допросить остальных сотрудников. Так что идите спать.

– Кто бы говорил, – спокойно произнесла Сиена, но при этом уже пятилась назад, увлекая Кирана за собой.

Дамиан в последний раз посмотрел на небо, которое по-прежнему оставалось затянуто плотной пеленой облаков. Всю неделю стояла пасмурная погода; из-за туч не было видно ни солнца, ни звезд. Он поежился. Согласно обычаю, звезды являлись глазами святых, и, если их не было видно, значит, святые ни за кем не следили.

По мере того, как он спускался в склеп, одной рукой держась за холодную каменную стену, его тело наливалось тяжестью. Как только он добрался до последней ступени, его окутал холодный воздух. Потолки здесь были низкими, из-за чего создавалось ощущение, будто стены располагаются ближе, чем есть на самом деле. В помещении находился всего один покойник – последователь, остальная часть комнаты пустовала. Это должно было успокоить Дамиана, но он, напротив, испытывал смутную тревогу.

Комнату освещал один-единственный светильник, и по кремовым стенам ползали вверх и вниз слабые лучи света. Вид тела Леонцио вызвал у Дамиана новое потрясение, и он с трудом сдержал дрожь. Вынести это зрелище во второй раз оказалось сложнее: серый оттенок кожи последователя выглядел жутко. Дамиан коснулся пальцами век, слева-направо, и области сердца. Сжал заледеневшие ладони в кулаки. Сделал еще один вдох. А затем, словно обращаясь со спящим пациентом, закатал ткань рукава покойного так, как это делала Джада.

Перед ним предстали бледно-серые линии, оплетавшие паутиной запястья Леонцио, которые, поднимаясь вверх по руке, темнели и образовывали черную сетку. Он надеялся, что более внимательный осмотр поможет ему что-то выяснить, а в результате ощутил еще большую безнадежность. Кто-то умудрился отравить тщательно охраняемого последователя в его кровати. *Но как?*

Дамиан безоговорочно доверял своим офицерам, однако кто-то все же сумел пробраться мимо них.

Он наклонился вперед, уперев локти в каменный алтарь. Казалось, будто под ним лежала глыба льда, но Дамиан почти не чувствовал холода, глядя куда-то перед собой, а потом резко повернул голову. Он мог поклясться, что почувствовал Смерть – она явно радовалась появлению нового члена своей бессмертной свиты.

«Когда ты уже привыкнешь к моему присутствию, Дамиан Вентури? – ее шепот щеко-тал шею, вырывая воздух из его легких ледяными пальцами. – Ты носишь меня с собой уже долгое время».

Он отогнал эти мысли прочь. Дамиан не являлся потомком Смерти и не имел к ней никакого отношения. Однако жизнь была жестока: Смерть неотступно следовала за ним, в то время как поиски Силы все время оставляли его ни с чем.

Дамиан со вздохом прикоснулся кончиками пальцев к векам Леонцио, повторяя свой недавний жест.

И тут же отдернул руку.

Что бы ни находилось под тонкими лоскутами кожи с фиолетовыми прожилками, оно явно не было глазами Леонцио. Плоть казалась неестественной. Слишком твердой. Дамиан втянул воздух, смахивая пот со лба. С долей сомнения поднял одно из век последователя.

От увиденного его парализовал шок, к горлу подступила тошнота. Вместо мутных радужек на него взирали гладкие черные шары. Возможно, из металла или стекла. На фоне глазниц с белым ободком они смотрелись пугающе *неуместно*.

Тот, кто убил Леонцио Бьянки, забрал его глаза с собой.

5. Роз

Роз вернулась в храм Терпения поздно утром. Ей удалось поспать несколько часов на диване в маленькой квартирке Пьеры, на верхнем этаже таверны, притом что самой Пьеры, как ни странно, дома не было. Остатки вина по-прежнему лениво текли по венам Роз, хотя в этот раз она выпила меньше обычного. Довольно сложно наслаждаться выпивкой, когда перед тобой страдальческое лицо Дева. После смерти сестры его характер сильно изменился, и Роз понимала, что за перемены в нем произошли: включился режим выживания. Ее друг просто существовал изо дня в день. Это состояние было хорошо знакомо Роз: то же самое она испытывала после смерти отца. Когда горе давит на тебя всей тяжестью, двигаться невозможно. Как и бороться.

Тогда Дев вместе с Пьерой и Насим помог Роз выбраться из этого отчаяния. Жаль, она не знает, как теперь сделать то же самое для него.

У нее сдавливало грудь всякий раз, когда она вспоминала маленькую светловолосую девочку, машущую рукой из окна фамильного дома Вильнев. Амели была такой счастливой, такой невинной. Была ли Роз когда-нибудь такой? Вряд ли. Амели походила на светлое пятнышко на фоне темного пейзажа. Она находила радость там, где другие ее не видели.

То, что мир погасил этот свет так рано, Роз считала невообразимо жестоким.

Храм Терпения темной каменной машиной, обильно украшенной завитками кованого железа, высился в центре квартала. Роз всегда полагала, что он больше напоминает логово злодея. По ее мнению, он обладал красотой, сравнимой с великолепием искусно заточенных лезвий. По пути к входу над головой девушки изогнулась огромная арка, обрившая небо на долю секунды, прежде чем та вошла внутрь.

В прихожей она без удивления обнаружила людей. Несколько молодых последователей промчались мимо нее – скорее всего, спешили на урок, где их будут учить направлять свою волю в оружие, инструменты и всевозможные украшения. Поскольку Роз обрела свои способности необычайно поздно, ей пришлось осваивать то же самое умение за несколько месяцев. Это занятие казалось ей ужасно скучным, и она вздохнула с облегчением, когда оно закончилось. Впрочем, ее нынешнее положение было немногим лучше. У девушки не было никакого желания посвящать свою жизнь профессии пресловутого кузнеца.

– Роз! – кто-то окликнул ее по имени.

Она обернулась и оказалась лицом к лицу с Витторией Дельвеккио.

– О, привет.

Виттория выгнула бровь. Она отличалась резкой красотой и была полностью во вкусе Роз: высокая, мускулистая, с неизменной улыбкой на лице. Ее светлые волосы казались почти белыми и спадали гладким каскадом на грудь. Роз с облегчением отметила, что ей уже не так больно смотреть на нее. Через несколько месяцев после вступления в гильдию и спустя два года после ухода Дамиана у них с Витторией завязалось нечто вроде отношений. Поцелуи украдкой в пустых коридорах, держание за руки в утопающем в цветах внутреннем дворике храма. Виттория была единственной, с кем после Дамиана целовалась Роз. Та излучала уверенность, головокружительную страсть, в то время как Роз – неопытность и подростковую нерешительность.

Каждая физическая близость с Витторией была безупречной. Роз до сих пор помнила крутые изгибы ее тела, коричнево-сахарный аромат ее мягких волос. В остальных же вопросах у них неизменно возникали трудности.

– Не думала, что ты будешь здесь, – сказала Виттория, скользя по Роз взглядом серых глаз. – Разве ты не ходила сегодня ночью в Меркато?

Роз пожала плечами, не собираясь признаваться, что только недавно вернулась или что большую часть времени провела совсем не в Меркато.

– Меня разбудило солнце.

Виттория наверняка распознала ложь. Но это не имело значения. Именно *по этой причине* в их отношениях возникали проблемы: Роз никогда не говорила правду. Потому что не могла. Виттория верила в важность их миссии как последователей. Она носила кольцо с гордостью и со всей искренностью молилась святым. Роз, напротив, все это не волновало. Они категорически не понимали друг друга. И в конечном итоге между ними установилась своего рода дружба, в рамках которой они редко упоминали о том, что было раньше.

– Ясно, – произнесла Виттория, смахивая невидимую пыль со своей серой куртки. – Но раз уж ты здесь, советую подумать о том, чтобы начать уже вносить какой-то вклад в Меркато, а не просто посещать его. Я не могу так часто прикрывать тебя.

Ее слова звучали добродушно, но при этом твердо. Роз закатила глаза, хотя понимала: Виттория права. Девушка заботилась о своей матери, а потому зависела от регулярных выплат, получаемых от храма. И если она продолжит и дальше уклоняться от своих обязанностей, ее будут ждать неприятности.

– Ладно, ладно, – Роз сжала пальцами переносицу. – Идем.

Виттория подвела ее к широкой изогнутой лестнице рядом со входом в храм. Перила были выполнены из изысканного кованого железа, ступени – из мрамора. Роз засмотрелась на изгиб шеи Виттории, когда та, наклонив голову, принялась собирать волосы в хвост, а потом мысленно одернула себя.

По мере того как они спускались по лестнице, навстречу им поднимался жар. Роз почувствовала, как на ее лице появилось знакомое хмурое выражение, и сняла куртку. Она *ненавидела* бывать внизу. Последователям Терпения для выплавки металла не требовалась кузня, однако им нужно было где-то работать. К тому же таким образом нельзя было превратить руду и порошки во что-то годное.

Тем не менее листы расплавленного металла – Роз была вынуждена это признать – выглядели великолепно. Серебристые, таящие в себе множество возможностей, они лежали в центре похожего на собор пространства, чтобы столпившиеся вокруг них последователи Терпения могли приступить к работе. В теплом едком воздухе витал запах пепла и чего-то подозрительно сладкого.

Виттория схватила Роз за руку и потащила к группке девушек в углу комнаты. Вокруг них искрился воздух, туманный и насыщенный магией. Роз никого особо хорошо из них не знала, да и, признаться, даже не пыталась узнать. Каждый последователь хотел быть лучшим, стать самым продуктивным, самым уважаемым. Это давало им возможность оказаться в числе избранных и представлять свою гильдию в Палаццо. Роз, конечно же, никогда не стремилась к таким вещам, а потому не входила в их круг. Она тщетно пыталась отстраниться от Виттории.

– Я поработаю одна.

Подобные разговоры уже велись между ними раньше, и Виттория прибегла к своему излюбленному аргументу:

– Роз, я не могу быть твоей единственной подругой.

– Конечно, можешь. – При этом Роз, как обычно, не стала упоминать, что у нее вообще *нет* друзей, просто не из числа последователей. – Тем более рано или поздно они все равно выгонят меня из своей компании. Ты ведь прекрасно знаешь, что все мои творения нетоварного качества.

– Потому что ты не пытаешься. – Уголок губ Виттории дернулся.

– Не все идеальны.

Уступив Роз, Виттория лишь закатила глаза, но больше ничего не сказала.

И все же она была права. Роз *действительно* не пыталась. По мнению других последователей, она была странным явлением: благословенная святым покровителем, но безнадежно бесполезная в своем ремесле. Однако Роз это устраивало: она позволяла им верить в это до тех

пор, пока их не беспокоило ее нежелание участвовать. Кузнечное дело совершенно не интересовало ее. Работать с металлом было скучно. Из всех последователей Терпения девушка обладала им меньше всего – и они это знали.

Но проблема заключалась в том, что у Роз *прекрасно* получалось. При желании она могла создавать безупречные вещи. Она словно понимала, что почти не использует свой потенциал. Одна часть ее, восходящая к Терпению, желала делать больше, намного больше, а другая отказывалась поддаваться эйфории, которую, бесспорно, испытывали ее коллеги, используя свою магию. Ей казалось несправедливым, что она жила в комфортных условиях, просто потому что родилась в них. Казалось несправедливым, что ей платили за выполнение по требованию храма бесполезной работы. В то время как семьи Дев и Насим изо всех сил пытались удержаться на плаву.

И вдобавок ко всему последователям Терпения в большей степени поручалось создавать оружие для войны. От этой мысли Роз начинало тошнить. Ее отец *погиб* именно из-за этой бессмысленной, непрекращающейся войны.

– Ты в порядке? – поинтересовалась Виттория, выпуская руку Роз. На лбу подруги пролегли хмурые складки. Интересно, как выглядело лицо самой Роз? Она даже не пыталась изобразить улыбку.

– Хочу поработать здесь.

На этот раз Виттория спорить не стала. Лишь едва заметно покачала головой, после чего отправилась к своим подругам. По идее, Роз должна была чувствовать себя виноватой, но не могла пробудить эти эмоции. Она вытерла пот со лба, затем бросила куртку на пол. Высокий потолок над головой был расписан изображениями Терпения – безликой женщины-воина с мечом в руках, совершавшей всевозможные благочестивые деяния. Рядом с лепниной в форме короны виднелись слабые очертания крепкой мужской фигуры святого – Хаоса, которого, насколько знала Роз, убрали с полотна не до конца. От него осталась лишь рука, по-прежнему сжимавшая ладонь Терпения, а между ними расцветал огонь. В сознании Роз невольно всплыли слова: *«В самом сердце гор Силы вспыхнуло пламя Терпения. Именно она породила огонь, а Хаос привел его в движение»*.

Хаос и Терпение – первые влюбленные. Равные и противоположные, они уравнивали друг друга. Роз с трудом верилось, что они действительно приложили руку к созданию мира, однако все равно считала довольно жестоким со стороны ее собратьев-последователей так бесцеремонно убирать спутника жизни их святой. Может, однажды Терпение спустится с небес и покарает всех за это.

Роз закатала рукава и забила в самый дальний угол комнаты. У стены ее ждали металлические прутья. Последователям требовалось изготовить ружейные стволы. Роз могла мысленно представить, как именно с помощью силы воли согнет прут. Как ее пальцы придадут форму металлу, словно это глина, а потом, когда работа будет завершена, ствол станет стрелять только в руках того, кому его выдадут.

В ее ладонях вспыхнул нестерпимый жар, в венах закипела кровь. По телу потекла рвущаяся на свободу сила. Но она подавила ее и вместо бурного потока выпустила лишь тонкую струйку.

К тому времени, как Виттория пришла за ней, Роз из утренней работы почти ничего не выполнила.

– Они ужасны, – заключила Виттория. На ее щеках пылал здоровый румянец, который, похоже, всегда появлялся у последователей, занимавшихся любимым делом.

Последователей, к которым Роз не относилась.

– Так и есть, – беспечно ответила Роз, сгребая бесполезные стволы в беспорядочную кучу. – Ну что, идем?

* * *

Распрошавшись с Витторией, Роз пошла через внутренний двор храма по огибающей его дорожке. Балюстраду по бокам от нее обвивали цветы и плющ, в воздухе слабо пахло дождем. Путь через двор был кратчайшим до дома, однако стоило Роз выйти с другой его стороны, как она сильно об этом пожалела. Будь она внимательнее, могла бы узнать звук тяжелых шагов, легкое позвякивание ключей, ударявшихся о конец дубинки на армейском ремне.

Роз никого так не ненавидела, как стражников; она не сдержалась, и с ее губ сорвался недовольный рык. Все попадавшие ей офицеры – не кто иные, как повышенные в звании бывшие военные, – обладали комплексом превосходства. Не будучи последователями, они вполне могли таковыми стать: им внушили, будто они существуют ради служения потомкам святых. Офицеры постоянно устраивали рейды в тех частях города, где жили заурядные, стремясь уличить их в совершении правонарушений или же в поисках доказательств мятежа. Роз даже слышала, что при этом они обворовывали дома заурядных граждан.

Однако вовсе не по этим причинам у нее внезапно перехватило дыхание.

Она узнала одного из двух направлявшихся в ее сторону офицеров. Именно *из-за него* она вдруг перестала дышать.

Дамиан Вентури.

С тех пор как он вернулся с севера, это была их первая близкая встреча, и она разглядывала его со смесью шока и презрения. Сейчас он был совершенно не таким, каким его помнила Роз. Начать хотя бы с того, что он стал выше, а под темной тканью его формы вырисовывались крепкие мышцы. Золотые регалии, как и пристегнутая к спине аркебуза, блестели в свете заходящего солнца, а темно-синий мундир был наглухо застегнут до самого подбородка. Детские непослушные кудри исчезли, и на смену им пришла слегка отросшая обычная армейская стрижка. И хотя в острых скулах по-прежнему проглядывала мальчишеская мягкость, в глазах его что-то изменилось. Они больше не были горячими и счастливыми. Сейчас в них читалась внимательность. Настороженность. Будто он все время был готов к тому, что может выскочить из тени.

Неужели жизнь обошлась с ним так же плохо, как с ней? Роз надеялась на это.

Потому что, видят святые, он этого заслуживал.

Три года назад, после назначения на должность военачальника, отец Дамиана вместе со своей семьей уехал на север, чтобы занять новый пограничный пост. Там Дамиан начал проходить солдатскую службу. К тому времени собственный отец Роз уже воевал на фронте, и она, по своей глупой пятнадцатилетней наивности, полагала, что двое мужчин сумеют подбодрить друг друга. В конце концов, Якопо Ласертоза, в отличие от Баттисты Вентури, обладал чуткостью. Даже Дамиан однажды признался Роз, что чувствовал себя ближе к ее отцу, чем к своему собственному.

Теперь, когда она узнала, что отец Дамиана – самый большой предатель во всей Омбразии, его слова обрели смысл. Якопо и Баттиста были друзьями с самого детства, и даже то, что Баттиста стал последователем, не могло разрушить их связь. Но когда Якопо попытался дезертировать, Баттиста Вентури выследил своего бывшего друга и прислал им домой его голову в коробке.

На тот момент Роз было шестнадцать лет. Она помнила, как при виде той посылки ее чуть не вырвало, – к счастью, тело не подвело. Вместо этого ее сковало ледяное, покалывающее потрясение, она просто смотрела в коробку в полнейшей тишине. А потом эта тишина переросла в несмолкаемый рев в ушах, в крики с требованиями кровавого правосудия. Смерть отца не сломала ее – во всяком случае, надолго. Напротив, она закалила ее и переплавляла в месть.

А вот сердце ее матери разбилось вдребезги: с тех пор Каприс Ласертоза уже не была прежней.

После этого события Дамиан почти не писал. Он выбрал свою сторону – это было очевидно. Обо всем, что он говорил ей в юности, можно было забыть. С таким же успехом он мог бы плюнуть на могилу Якопо.

Роз удавалось избегать Дамиана почти год, но теперь, когда их отделяли всего несколько шагов, ей даже захотелось оказаться с ним лицом к лицу. Возможно, врезать ему со всей силой пережитого предательства. Но не успела она собраться с мыслями, как заговорила спутница Дамиана. Женщина-офицер примерно одного возраста с Роз, смуглая, с мягкими чертами лица, ее заплетенные в косу волосы спускались по спине.

– ... Будет не рад, – говорила она. – Дамиан, люди скоро узнают о смерти последователя. Тем более что послезавтра состоятся выборы его преемника.

Роз, внезапно заинтересовавшись разговором, склонила голову.

– Знаю, – коротко бросил Дамиан. – Главный магистрат ясно дал понять, что это дело первостепенной важности. Я допросил Джаду, но пока факты не сходятся. Мне нужно поговорить с отцом. Он знает, что делать.

– Лично я до сих пор сомневаюсь, что это не было самоубийством.

Роз с силой прикусила язык, а в это время в ее голове начали вращаться шестеренки. Последователь Палаццо мертв? Это неожиданное известие прозвучало для нее как пощечина. И дело было не в самой смерти – ее это не особенно волновало, – а в словах Дамиана.

Главный магистрат дал ясно понять, что это дело первостепенной важности.

В ней вдруг вскипели гнев и всепоглощающая ярость. Тела Амели и неопознанного юноши лежали в городском морге, их убийства так и не раскрыли. Палаццо даже не удосужился назначить офицеров на их дела. Зато смерть одного-единственного последователя стала вопросом первостепенной важности.

Роз мысленно умоляла стражников благополучно пройти мимо. Словно она обычная последовательница, идущая по улице. Но поскольку судьба обладала извращенным чувством юмора, Дамиан поднял взгляд в ту самую секунду, когда их пути пересеклись.

И посмотрел прямо на нее.

– Россана, – он произнес ее полное имя точно обвинение. Его голос стал глубже. Увереннее. В нем звучали властные нотки, каких не было раньше. Когда он остановился, женщина-офицер последовала его примеру и тоже встала, в замешательстве сдвинув брови.

Роз сильно стиснула зубы. Ей вдруг показалось, будто ее выставили на всеобщее обозрение. Наверное, потому что недоумение Дамиана было слишком знакомым. Она до сих пор помнила, как он сидел за столом в старом доме ее семьи и с лукавой улыбкой на губах наблюдал за ее тщетной попыткой воссоздать один из рецептов ее матери. Тогда он съел получившееся блюдо. Он всегда ел все, что бы она ни приготовила.

«Главное, попытка, а не результат, Роз, – говорил он, размахивая вилкой. – И нет того, чего нельзя было бы исправить солью».

Было это до того, как Роз узнала, что на самом деле солью нельзя исправить *бесконечное* множество вещей. Нельзя исправить убийство. Нельзя исправить предательство. Нельзя исправить большое горе или заполнить бесконечный колодец ярости.

Лишь спустя мгновение она осознала, что до сих пор ничего не ответила. Дамиан, скорее всего, в попытке заполнить молчание, спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Роз пристально смотрела на него, удерживая взгляд знакомых глаз: карих, бездонных, обрамленных черными ресницами. Бледный шрам спускался по изгибу щеки к подбородку – а вот его раньше не было.

– Просто гуляю. Это ведь не запрещено законом?

Он нахмурился, ошетилившись в ответ на ее враждебность.

– Я... Нет, вовсе нет. Я просто удивлен видеть тебя здесь.

– Думаю, тебе известно, что я последовательница Терпения, – сказала Роз, испытав само-довольное облегчение, оттого что слова прозвучали уверенно. Она указала на грандиозное сооружение у себя за спиной. – А это храм Терпения, если ты не заметил.

Дамиан стиснул челюсти.

– Так и есть.

Его непроницаемое выражение лица застало Роз врасплох. Она не могла припомнить, когда лицо Дамиана не представляло собой открытую книгу, во всяком случае, в ее глазах. Тогда-то она поняла: это создание – с мышцами, нарядной формой и неприступным внешним видом – вовсе не Дамиан Вентури. Ей незнаком этот человек. Человек, побывавший на войне и вернувшийся копией своего вероломного отца.

В памяти Роз до сих пор была жива картина, когда ее собственный отец возвратился с последнего обхода. Он тяжело – усталость читалась в каждой морщинке его обветренного лица – опустился на диван и сжал дрожащей рукой стакан, который протянула ему Каприс. *«Баттиста снова получил повышение, – сказал он. В его словах звучала пустота. Роз прекрасно знала своего отца, чтобы понимать: тот был в ярости. – Он командир нашего подразделения. Этого человека не волнует ничего, кроме продвижения по служебной лестнице. Я уже не понимаю, кто он».*

Тогда Роз это заявление сочла неслыханным. Сейчас же в полной мере осознала его суть.

В присутствии женщины-офицера невозможно было сказать что-то важное. Та, пытаясь разобраться в происходящем, переводила взгляд с Роз на Дамиана.

– Я так понимаю, вы знакомы друг с другом?

– Были, – ответила Роз, не успел Дамиан раскрыть рта. – Когда-то.

Он впился в нее взглядом, точно один из ее плохо выкованных инструментов. В его позе чувствовалась напряженность, как будто он боялся, что она может сболтнуть лишнего его спутнице. Роз презрительно поджала губы. Ей словно хотелось, чтобы об их связи узнали.

Тем не менее Дамиан удивил ее попыткой объяснить:

– Наши семьи дружили, когда мы были моложе.

Женщина-офицер кивнула, однако ее губы остались плотно сжатыми.

Роз очаровательно улыбнулась.

– Да, дружили. Пока отец Дамиана не убил моего.

Последовало долгое молчание. Лицо Дамиана походило на застывшую маску, лишь сухожилия выступали на шее. Показателем офицерской подготовки его спутницы стало то, что она приняла эту информацию с полным спокойствием, сказав только:

– Понятно.

– Баттиста Вентури, – уточнила Роз, как будто девушка еще не поняла. Это стоило сделать уже ради одной реакции Дамиана. – Уверена, вы его знаете.

Дамиан, не сводя с нее глаз, парировал:

– Отец Роз был дезертиром.

Разумеется, это была всего лишь констатация факта, но в его устах больше походило на самую грубую форму мести. Роз сжала ладони в кулаки, с удивлением обнаружив, что ее ярость способна достичь еще большего пика. Она издала резкий смешок.

– Это правда. Зато он, по крайней мере, не был подлым куском дерьма.

Брови женщины-офицера взлетели чуть ли не до самых волос. Дамиан выглядел так, будто Роз вlepила ему пощечину. Его рот приоткрылся, но с губ не слетело ни звука. Наверное, осознал, что она говорила не только о Баттисте.

Роз была готова рассмеяться, но все же заставила себя удалиться, оставив после своего ухода звенящую тишину. Ей нужно было убраться отсюда, пока она не сделала того, о чем в дальнейшем может пожалеть.

Ноги сами несли ее домой – Роз даже не замечала их движения. Она чувствовала нервозность, легкое недомогание и небывалую злость. *Вот* почему она избегала Дамиана. *Вот* почему так старалась не вспоминать.

И в то же время она могла представить, какой бы между ними состоялся разговор при других обстоятельствах. Дамиан спросил бы, почему она в полном одиночестве слоняется по улице. При этом один уголок его губ изогнулся бы вверх – совсем чуть-чуть, – как это бывало, когда он в равной степени был встревожен и удивлен.

«Гуляю, – ответила бы ему Роз, на этот раз дружелюбно. – Это ведь не запрещено законом?»

«Я только спросил, потому что ты выглядишь грустной, – сказал бы Дамиан, заметив ее настроение. Он всегда замечал. – Ты вообще хоть что-то не воспринимаешь всерьез?»

Роз встрепенулась, очнувшись от нахлынувших дум, по ее венам заструилась злоба. Той версии Дамиана – да и ее самой – больше нет. Она умерла. Так же как ее отец.

«Я все не воспринимаю всерьез, – рассуждала она сама с собой, заворачивая за угол. – Хотя не совсем».

А после, подумав, добавила: *«Все, за исключением мести».*

6. Роз

Только практически добравшись до дома, Роз наконец успокоилась и смогла мыслить здраво. Как Дамиан вообще посмел! Сейчас даже и вспоминать было смешно, что когда-то она считала, будто не выживет без него. Что она каждый день проверяла вывешиваемый в Базилике список имен и с неутомимым усердием молилась, чтобы его там не оказалось.

Но она выжила; прошли месяцы, и единственные известия, получаемые с севера, были сообщениями о смертях, не связанных с Дамианом. Ни слова о нем. Должно быть, святые все-таки слышали, как бы к ним ни относился ее отец.

Тем не менее однажды утром они с матерью получили совсем другое известие.

А следом – посылку у дверей.

С тех пор Роз больше ни о чем не просила святых. По ее мнению, существовало два объяснения такому исходу. Первое: святые слышали ее молитвы, но были не в силах вмешаться. Если так, то какой смысл молиться им? И второе: святые *все же* обладали властью что-то изменить, но предпочли этого не делать.

В любом случае это не имело значения. Потому что, когда ее мир рухнул, она точно знала, кого винить. Она увидела свой родной город другими глазами, словно мерцающая завеса приподнялась, и ее взору предстала прогнившая изнанка. Она отреклась от святых с их ухищрениями и игрой в фаворитов и больше никогда не зывала к ним.

Но если бы святой покровитель Ярости существовал, Роз без колебаний стала бы молиться ему.

* * *

Квартира, где Роз жила с матерью, располагалась вдали от главной сети дорог квартала – маленькая и скромная, но вполне хорошая по меркам жилищ последователей. Девушка на дрожащих руках взобралась по стене соседнего здания и запрыгнула в окно, через которое обычно попадала в квартиру. Она предпочитала, чтобы никто не видел, как она уходит или приходит. Из-за повышенной ранимости ее мать плохо воспринимала незнакомцев. Только Пьера, часто приносившая еду, была желанным гостем в их доме.

– Мама, – позвала Роз, заходя внутрь. Каприс Ласертоза еще не спала и сидела за круглым кухонным столом, уставившись в одну точку.

Каприс отличалась невысоким ростом, ее темные волосы были собраны в неряшливый пучок на макушке. У нее было угловатое печальное лицо и такие же, как у Роз, загорелая кожа и голубые глаза. Но если раньше глаза Каприс выглядели живыми и умными, то теперь казались пустыми.

Она тоже относилась к последователям Терпения, но покинула храм, как только Якопо отправился на войну, и не приближалась к нему даже после возвращения мужа, убежденного в порочности государственной системы. Роз никогда не видела у матери проявлений магии и в глубине души была рада, что Каприс не хватало ясности ума догадаться, что ее дочь живет жизнью, от которой она сама отказалась.

– Россана, – проговорила Каприс, ведя пальцем по поверхности стола. Еды перед ней не было, женщина просто сидела, ссутулив плечи. – Где ты была?

Роз распустила свою тугую косу.

– Была на работе, – ответила она. Уголки губ матери поползли вниз.

– Я повсюду искала тебя. Думала, ты умерла.

Святые! Похоже, Каприс считала Роз умершей всякий раз, когда та исчезала из поля ее зрения дольше, чем на несколько минут. Возможно, это объяснялось случившимся с Якопо или же у Каприс усилились проблемы с памятью.

Она сильно изменилась после смерти мужа. Роз не могла найти другого объяснения резко ухудшившемуся здоровью матери с того самого рокового дня, когда на пороге их дома появилась злосчастная коробка. Всего за одну ночь Каприс стала другим человеком. Она ничего не помнила. Отказывалась выходить из квартиры. Иногда общалась с людьми, которых не было в комнате, или смеялась над нерассказанными шутками.

Здравомыслие постепенно покидало Каприс, и Роз стало ясно: ее мать больше не сможет их содержать. А поскольку Якопо считался дезертиром, они не имели права на то мизерное пособие, что получали другие семьи погибших на фронте. Поэтому Роз устроилась на работу в «Бартоло», согласившись на небольшую плату, которую могла ей предложить Пьера, владелица таверны. Но этого было мало. Очень мало, учитывая, насколько дорогой была жизнь в Омбразии. Зато, по крайней мере, Пьера могла выслушать ее. Вытирая стаканы, женщина позволяла Роз говорить столько, сколько ей угодно, и всегда давала содержательный ответ. Она приносила Каприс еду и ничего не требовала взамен. Именно поэтому Роз не могла просить у Пьеры большей платы, и ей оставалось только смириться с трудностями.

Пока однажды она не почувствовала его.

Жар в ладонях, практически нестерпимый. По мере того как он разгорался, к ее горлу подступала паника. Роз выбежала с кухни в переулочек за таверной. Когда жар сменился покалыванием, она осознала, что происходит.

«Вы обладаете какими-либо экстраординарными способностями? – спросил представитель Палаццо у Дамиана и Роз около пяти лет назад. – Перемещались ли когда-нибудь вокруг вас предметы, к которым вы не прикасались? Насколько искусно вы работаете руками? Ощущаете ли вы сильную связь с другими людьми?»

Это были лишь несколько вопросов из, казалось бы, бесчисленного множества, и в то время она честно ответила на них. Нет, она не обладала магией. Роз знала, что не была последовательницей и не получала благословения святых.

И потому предположить не могла, как все изменится.

Стоя в том переулочке, Роз со слезами на глазах прижимала ладони к холодной каменной стене, пытаясь их охладить. Она была дочерью своего отца, а Якопо с гордостью носил статус заурядного. Для нее стать кем-то другим означало предать его память. В конце концов, какие еще варианты у нее были? Терпение. Терпение – святая противоречия и выдержки. Святая, необъяснимым образом связанная с кузнечным делом – ремеслом, не вызывающим у Роз никакого интереса.

Она потянулась за ножом, молясь как ни в чем не бывало святым, в которых больше не верила.

Но металл изогнулся в ее руке.

Для того, кто давно решил, что ненавидит последователей и всю систему, возможностями которой те пользовались, это было настоящим проклятием. А потом, когда Роз стала применять эти способности в своих интересах, ее начало терзать ужасное чувство вины.

Она аномалия – такое заключение вынес мужчина, тестировавший ее несколько лет назад. Дитя, которому невероятно посчастливилось получить благословение святых namного позже большинства. Представ в храме Терпения, она почувствовала себя любопытным экземпляром в свете ярких ламп.

Тем не менее в таверне «Бартоло» она нашла выход своей ярости: здесь она могла общаться с *точно* такими же людьми, как она. Людьми, чьи близкие не пришли с войны или же, вернувшись, безвозвратно изменились. Людьми, чьи постаревшие родители сошли с ума из-за потери ребенка или спутника жизни. Людьми, пострадавшими от несправедливости существу-

ющей системы. Потому что было нечестно, что самые влиятельные последователи управляли городом. Нечестно, что они уклонялись от призыва на военную службу, в то время как остальные сражались с Бречаатом из-за религиозной семантики и ресурсов, которыми практически не имели шанса воспользоваться.

– Прости, прошлой ночью меня не было дома, – чересчур запоздало пояснила Роз, стараясь не обращать внимания на щемящее чувство в груди. – После работы я осталась у Пьеры.

Ей стало неловко, когда лицо матери расслабилось. Каприс до сих пор считала, что она работает в «Бартоло», и Роз не видела смысла говорить ей правду. Та лишь смутит и расстроит ее. К тому же мать никогда не выходит из квартиры, а значит, у нее нет возможности обо всем узнать.

– Ты всегда так много работаешь. – Лицо Каприс просияло. – Что бы мы без тебя делали, tesoro⁴?

Роз понятия не имела, кого на этот раз имела в виду Каприс под «мы», но спрашивать не стала, ограничившись сдержанной улыбкой. Ответ и без того был очевиден: без Роз ее мать захлахла бы в этой квартире. Вот почему она заставляла себя играть роль хорошей последовательницы. В некотором смысле все, что она делала, было ради Каприс. Роз нуждалась в возмездии за страдания своей семьи, как в воздухе.

– Я что-то давно не видела Дамиана, – продолжила ее мать. От этих слов Роз застыла. – Чем же он так занят?

Откуда она *узнала*? Для того, кто, казалось бы, редко обитал в реальном мире, Каприс была пугающе проницательна. Ей всегда удавалось затронуть именно ту тему, которая волновала Роз, независимо от того, имела ли она смысл или нет.

– Дамиан больше сюда не приходит, – ответила Роз резче, чем намеревалась. Она знала, что не стоит обижаться на склонность матери ворошить прошлое, но ничего не могла с собой поделать – оно всегда причиняло боль.

Каприс выпятила нижнюю губу.

– Рядом с ним ты больше улыбаешься.

Роз не стала говорить ей, что она скорее врежет Дамиану, чем улыбнется ему. А вместо этого растянула губы в улыбке, больше, наверное, напоминавшей гримасу.

– Ты заставляешь меня улыбаться не меньше. Хочешь чего-нибудь поесть? – Она обогнула круглый стол из красного дерева по пути на кухню. Вся квартира сверкала стерильной чистотой. Ее мать только и делала, что убиралась, терла и смахивала пыль, все время что-то напевая или бормоча себе под нос.

Каприс помотала головой.

– Я не голодна. Ох, я вчера ужасно волновалась за тебя, tesoro.

И все же Роз достала из шкафа сковороду. Они вновь пришли к тому, с чего начали.

– Я же сказала, что меня не будет дома.

– Ты не говорила!

– Говорила. Сразу после ужина, помнишь? Мы сидели здесь, – она указала на темно-зеленый диван, – и я сказала тебе не ждать меня.

На лице Каприс отразилось смутение, и Роз тут же пошла на попятную, проглотив ругательство. Ее мать частенько, приходя в замешательство, расстраивалась.

– Ладно, не бери в голову, – пробормотала Роз. – Возможно, ты права. Наверное, я и правда забыла сказать.

После этого принялась заваривать чай: достала пузырек, купленный в Меркато, и высыпала его содержимое в чашку вместе с ароматными листьями. Снадобье должно было помочь Каприс успокоить нервы и, надо признать, действительно хорошо работало.

⁴ Tesoro (*итал.*) – милая, дорогая.

Готовя, она молилась про себя, чтобы Каприс сменила тему, но вскоре пожалела об этом. От ее следующих слов к горлу Роз подкатила тошнота:

– Мы получили письмо от твоего отца.

Роз, разбивавшая яйца, застыла на месте; ее взгляд метнулся к листу пергамента в руках матери. Каприс часто упоминала Якопо Ласертозу в настоящем времени, но никогда раньше не заявляла о полученном от него письме. Еще реже спускалась вниз к почтовому ящику.

– Как мило, – сказала Роз, осторожно приближаясь к ней. – И о чем он пишет?

Глаза Каприс округлились. Пальцы, сжимавшие письмо – или нечто похожее на него, – задрожали, и на миг Роз решила, что она не ответит. Но все равно продолжала ждать, стараясь не делать резких движений, будто имела дело с испуганным зверем.

Наконец Каприс заговорила:

– Это было предупреждение.

Роз расслабилась. Уж лучше оно, чем, скажем, обещание Якопо вернуться домой через неделю. Она видела реакцию матери, которая снова поняла, что ее муж больше не придет.

– Он хочет, чтобы мы покинули город, – прохрипела Каприс, и по коже Роз побежали мурашки. – На улицах обитает нечто темное.

– Что?

– Вот, послушай! – взмолилась она, бегая глазами по пергаменту. – *«Моим дорогим Каприс и Россане. Я ужасно скучаю по вам. Пишу, чтобы предупредить и просить немедленно покинуть Омбразию».*

Роз снова сковало напряжение, ее охватило беспокойство.

– Можно мне взглянуть? – попросила она, однако Каприс не собиралась идти ей навстречу. Одним резким движением она вскочила на ноги, ее голос взлетел до отчаянного вопля.

– Оно убьет тебя! Убьет нас всех!

– *Эй!* – это слово Роз произнесла с угрозой. Затем схватила мать за плечо и силой усадила обратно на стул. Сделать это оказалось несложно: в отличие от хрупкой Каприс она была мускулистой. – Успокойся. Давай немного отдохнем, ладно? Я принесу тебе чай.

После некоторых пререканий и уговоров они легли вместе на кровать. Роз ждала, когда дыхание матери станет глубоким. Только после этого она выскользнула из постели и тайком вернулась к столу.

Как она и ожидала, письмо оказалось пустым.

И все же это удивило ее.

7. Дамиан

Дамиан бродил по коридорам Палаццо, как в тумане. Его покои располагались в другой части здания, и после дневных событий ему хотелось только одного: провалиться в беспамятство на всю оставшуюся ночь. А еще лучше – на всю *неделю*. Он слышал свои мысли, бие-ние сердца чересчур громко. Ощущал тело слишком остро, словно их недавняя встреча с Роз Ласертозой пробудила его ото сна, в котором он, сам того не осознавая, застрял.

Находясь на севере, он с трудом представлял себе Роз другой, кроме как темноволосой озорной девчонкой, с которой когда-то бегал по улицам. Но она перестала ею быть. Теперь она стала жестокой и боевой, а высокий рост позволял ей смотреть ему в глаза не отрываясь.

В тот миг она чуть не испепелила его взглядом. Ее переполняла ярость. Дамиан знал, что так будет, а еще то, что заслужил это. Именно по этой причине он избегал Роз. Он был трусом, проклятым святыми.

И все же, только встретившись лицом к лицу, он понял, как сильно по ней скучал. Словно непрекращающаяся ноющая боль, пульсировавшая где-то внутри, внезапно вырвалась вперед. Еще никогда он так отчаянно не желал притвориться, будто ничего не изменилось. Ему хотелось, как в детстве, заключить ее в объятия и раствориться в по-летнему сладком аромате ее кожи.

К сожалению, имелась небольшая загвоздка: Роз ненавидела его.

Да, Баттиста Вентури убил Якопо Ласертозу. Да, это ужасно. Дамиан понимал, что Роз подавлена, но даже не предполагал, видимо по наивности, насколько она возмущена, до тех брошенных на прощание слов:

«Зато он, по крайней мере, не был подлым куском дерьма».

Дамиан не дурак. И прекрасно понимал, что Роз говорила не только о Баттисте. Но что он мог поделать? Как исправить?

Никак. И осознал это в миг, когда все произошло. Они оба каким-то образом стали теми людьми, какими клялись никогда не быть.

Дамиан до сих пор помнил тот день, когда представители от каждого храма проверяли их с Роз. Им тогда только исполнилось тринадцать. Уже после тестирования он лежал, растянувшись на ее кровати, а она сидела возле стены у окна, медовые солнечные лучи играли в ее распушенных волосах. Она казалась Дамиану самым прекрасным созданием на свете.

«Мне плевать, что я не последовательница, – невозмутимо заявила Роз. – Раз уж ты тоже».

Дамиан не был последователем. На долю секунды его охватило разочарование, пока он не увидел ухмылку Роз. Главное, что у них одинаковые результаты – только это имело значение.

«Ты же понимаешь, что в таком случае нам придется отправиться на север?» – спросил он. Тогда эта возможность не казалась им реальной. Она была далекой и непостижимой, как сама война.

Роз пожала плечами.

«Значит, пойдём вместе. Все равно это лучше, чем тренироваться в одном из тех навороченных храмов, где каждый считает себя особенно важным».

«Люди на войне умирают». – Во всяком случае, об этом Дамиан знал точно.

«Но не мы. Мы не умрем и не станем убивать. Мы просто выживем».

Это были глупые слова ребенка, который ничего не знал о мире, однако в ту минуту они принесли Дамиану успокоение. Роз переместилась к нему на кровать и прижалась щекой к его плечу. От этого прикосновения все нервные окончания в теле Дамиана вспыхнули, ему страстно захотелось, чтобы они лежали так вечно.

И все-таки он убил людей. Роз стала последовательницей. А то мгновение блаженства никогда не казалось ему столь далеким.

Прерывисто вздохнув, Дамиан провел рукой по вспотевшим волосам. Ему нужно было перестать цепляться за прошлое. Весь остаток дня он провел в попытках отвлечься: расспрашивал работников Палаццо о смерти Леонцио, пока в небе не сгустились сумерки. Все рассказывали приблизительно одну и ту же историю: в ту ночь они не видели последователя Смерти. Если это сделал посторонний, никто не знал, как он проник внутрь.

Ноэми, начальница стражи, патрулировавшая этаж Леонцио, выражала скорее возмущение, чем вину.

– Это *оскорбительно!* – довольно агрессивно ответила она, чем ошарашила Дамиана. – Разумеется, никто не мог пройти мимо меня. Я не какой-то там *новичок*, Вентури. Я работаю здесь дольше тебя. Если Леонцио отравили, то это, скорее всего, случилось раньше. Что касается его странного поведения... Не знаю, заметил ли ты, но Леонцио в принципе был странным человеком. И с каждым днем все больше становился параноиком. Ну что, мы закончили?

Дамиан, не перестававший думать о Роз, на этом не сдался и решил действовать дальше, только теперь все стало хуже. Но сейчас хотя бы у него было чуть больше информации, чем в начале.

Все его состояние говорило о том, что он *устал*. Вымотался так, как и представить себе не мог. Зрение периодически подводило, а каждое движение казалось странным, словно он двигался во сне.

Он поднялся по каменной лестнице на второй этаж, затем прошел до конца коридора. Ночь, давно проникнувшая в каждый уголок здания, окутывала сводчатый потолок, отчего гипсовые узоры на нем выглядели еще более таинственно. Дверь в комнату Дамиана была последней и располагалась слева – от одного ее вида сделалось легче. Дрожащими из-за нарушенной координации пальцами он осторожно потрогал ручку.

Дверь оказалась не заперта. Дамиана охватило дурное предчувствие, словно его окатили холодной водой. Он испугался не потому, что кто-то вломился к нему, а потому, что сразу понял, кто это сделал.

Дамиан вошел внутрь. В комнате было темно, но он все равно разглядел очертания человека, неподвижно сидящего на краю его кровати.

– Отец, – произнес Дамиан.

Баттиста Вентури, как всегда, выглядел бодрым и опрятным. У него были такие же, как у Дамиана, темные волосы и глаза, однако ростом он был ниже своего сына. Хотя это не имело значения: он всегда заполнял комнату своим присутствием. Привлекал к себе внимание и уважение, куда бы ни шел; спереди его форму украшали ряды крошечных медалей, отображавших все достижения отца на войне.

– Ты вернулся, – сказал Баттиста. Генерал был известен своим умением скрывать чувства, однако Дамиан заметил, как искривились его губы.

– Да. – Дамиан повесил свою аркебузу, зажег лампу и положил мундир на стул рядом с кроватью. Его покои, пусть и простые, перекликались с витиеватостью остального Палаццо. Роскошные простыни, причудливая лепнина под потолком. Возможно, посетившая Дамиана мысль казалась бредовой, но он жалел, что его мать не прожила еще какое-то время, чтобы умереть здесь, а не в продуваемой сквозняками спальне из деревянных панелей на севере.

– Я тебя жду уже довольно долго. Как все прошло?

Дамиан сделал глубокий вдох, и все накопившееся в его теле напряжение спало вместе с долгим выдохом.

– Ты слышал о смерти Леонцио.

– Разумеется, слышал, – ответил Баттиста, и между его бровями пролегла глубокая складка. – Ко мне приходил главный магистрат. И он недоволен. Скажи мне, что ты хотя бы провел этот день с пользой.

Черт. Неужели это не могло подождать до утра? Дамиан едва держался на ногах. Или это стыд, после того как он сознался в сегодняшних неудачах, так ослабил его.

Он опустился на стул с прямой спинкой рядом с кроватью, больше не беспокоясь о профессионализме.

– Судя по всему, Леонцио отравили, но, по заверениям Джады, ей неизвестно действие такого яда. В результате ее допроса мне не удалось выяснить ничего полезного. Затем мы с Сиеной сообщили храмам о проведении церемонии избрания преемника Леонцио, а остаток дня я опрашивал сотрудников.

– Понятно.

Дамиан выжидающе затаил дыхание. Он предполагал, что отец будет недоволен. Но Баттиста, напротив, выглядел... спокойным. Даже задумчивым.

После того как мать Дамиана умерла из-за болезни, Баттиста с головой ушел в работу. Стремительно поднявшись от военачальника до генерала, он вернулся домой, чтобы обеспечивать надзор за офицерами стражи. Теперь ему приходилось перемещаться между городом и передовой, но чаще всего он работал в Омбразии. Только благодаря положению Баттисты как последователя Силы – и его хорошим отношениям с главным магистратом – Дамиану позволили взять на себя командование стражей Палаццо. Не имело значения, что Баттиста редко применял свою силу. Он был последователем, обладавшим могущественной магией, – этого вполне хватало, чтобы заслужить уважение. Если Дамиан не сумеет зарекомендовать себя, это плохо скажется на репутации отца. Он и без того уже порядком его разочаровал тем, что не был благословлен собственной магией.

– Дамиан, – наконец произнес Баттиста серьезным тоном. – Я пытался помочь тебе. Я посоветовал тебе организовать патрулирование и использовать сильные стороны своих офицеров. Я убеждал Форте проявить терпение, говорил, что тебе просто нужно время встать на ноги. Но у меня есть и свои обязанности, я могу поднять тебя лишь с определенной глубины. Форте обеспокоен. Из-за активной деятельности мятежников он хочет, чтобы убийство Леонцио было раскрыто как можно быстрее. Я буду держать его на расстоянии так долго, как смогу, но нам необходимо в ближайшее время получить ответы, иначе тебя отправят обратно.

Дамиан сглотнул. Несмотря на то, что Форте уже выдвинул ему четкий ультиматум, слышать об этом во второй раз было все равно неприятно.

– Я не могу вернуться туда. Не могу вернуться на войну.

Он понимал, насколько важно для Омбразии обуздать Бречаат и еретиков. *Знал* это. А еще знал реальность войны и то, как мечты о славе в считанные секунды превращаются в пепел во рту.

– Я тоже не хочу, чтобы ты возвращался, – мягко сказал Баттиста. – Однако смерть Леонцио произошла в твоё дежурство.

– Это был несчастный случай.

– Это было *убийство*, – поправил его отец. – Убийство, которого ты не заметил. Убийство, которое ты должен был остановить.

Дамиана захлестнул стыд. Он хотел возразить, но понимал, что не имеет права.

– Признаю, – выдавил он. – И мне очень жаль. Думаешь, я теперь буду спать спокойно, зная, что именно я должен был спасти ему жизнь? Я не мог... – он умолк, провел ладонью по щеке. – Я не мог предвидеть. И не понимаю, почему другие от меня этого ждут.

Баттиста вздохнул, черты его лица смягчились. Затем он встал и положил руки на плечи сына. Дамиан вскинул подбородок. Смотреть в отцовские темные глаза было все равно что глядеться в зеркало собственного будущего.

– Мы не можем тратить время на размышления, как выполнять свою работу, – мягко проговорил Баттиста. – Мы просто должны ее *делать*. Я знаю, что ты способен на большее. Ты мой сын.

В животе Дамиана поселилась неприятная тяжесть. Пусть это никогда не говорилось вслух, но он подозревал, что разочарование отца с каждым днем становилось все сильнее. Гордость, которую Баттиста продемонстрировал, узнав о *героическом поступке* сына на войне, – святые, одни только мысли об этих словах вызывали у него тошноту, – улетучилась. Его отец хотел лишь одного: чтобы Дамиан проявил себя. И он, черт побери, старался изо всех сил, но в последнее время весь мир, казалось, чересчур настойчиво давил на него, мешая ему устоять на ногах.

Он не Баттиста. И не способен бездумно поставить свою страну и честь превыше всего остального. Знал, что должен – этого от него требовало положение, – но прошлые поступки продолжали мысленно преследовать его.

– А что насчет других недавних смертей? – спросил Дамиан, не в силах сдержаться. – Думаешь, они связаны? Парень, найденный на берегу реки, и молодая девушка...

– Забудь о них, – прервал его Баттиста. – Форте не считает их приоритетной задачей, так что меньше всего тебе сейчас нужно отвлекаться. Сосредоточься на убийстве Леонцио – и только на нем.

Дамиан, застигнутый врасплох, замолчал. Безусловно, отец понимал, почему он хотел рассмотреть все возможности. Три предполагаемых убийства, произошедших в непосредственной близости друг от друга, являлись чем-то неслыханным в Омбразии. Если за них был ответственен один и тот же человек, он мог оставить улики на одном из других мест преступления. Однако Дамиан не собирался спорить.

– Должно быть, кто-то уже находился внутри Палаццо, – сказал он, возвращаясь к обсуждаемому вопросу. – Либо кому-то постороннему помогли пробраться внутрь.

Леонцио был политиком, а значит, кто-то, несомненно, получал выгоду, избавляясь от него. Хотя, находясь среди безопасных стен Палаццо, трудно было предположить, у кого именно могла найтись такая возможность.

Баттиста поправил и без того безупречный воротник своего мундира, под тканью обозначились напряженные плечи. Его кольцо последователя блеснуло в тусклом свете.

– Кого бы ты в конечном счете ни назвал подозреваемым, тебе понадобятся доказательства. Предлагаю обзавестись в Палаццо еще одной парой глаз.

Дамиан не сразу уловил смысл отцовских слов. Наверное, это отразилось на его лице, потому что Баттиста добавил:

– Я говорю об осведомителях. Твои офицеры не в силах уследить за всем. Предложи работникам, которым ты доверяешь, поглядывать по сторонам. Как насчет... Как там его? Нико?

– Энцо? – Дамиан мысленно вздохнул. Его отец даже не пытался запомнить имена слуг.

– Точно. Энцо. Используй кого и что угодно. Форте без колебаний избавится от тебя, если посчитает, что ты не выполняешь свою работу, а мне меньше всего этого хочется. – Баттиста снова сжал плечо Дамиана, теперь уже одной крепкой рукой. – Святые на твоей стороне, мой мальчик.

Отцу было легко так говорить, ведь доказательство их благосклонности текло в его крови. Дамиан сглотнул. Он каждый день с неиссякаемым рвением искал Силу в надежде получить от святого покровителя знак. В надежде хоть на *что-то*. Но как бы ни сильна была его молитва, он ощущал лишь присутствие Смерти.

– Я все исправлю, – пообещал он отцу, уповая на то, что святые услышат его и помогут в этом.

Уголок рта Баттисты изогнулся вверх.

– Я знаю.

Дамиан с чувством сдавленности в груди смотрел отцу вслед. Он очень сомневался, что в это время Энцо бодрствует – на часах была почти полночь, а работники обычно просыпались в неурочный час, – но понимал, что его беспокойный ум не даст ему заснуть, пока он это не проверит.

Он спустился по позолоченной лестнице, мысли в голове путались. Комнаты слуг располагались на первом этаже и, конечно же, пустовали. Дамиан на мгновение задержался в пустой кухне, прислушиваясь к глухому завыванию ветра за окном. Затем вытянул руки на холодной мраморной столешнице и принялся разглядывать выпирающие вены, тянущиеся к суставам. Зрелище навяло ему воспоминания об испещренной черной сеткой коже и пустых глазницах.

Тряхнув головой, он поплелся обратно к лестнице и стал подниматься, цепляясь за перила крепче необходимого. С Энцо он поговорит позже. Сейчас нужно поспать, пока его попытка оставаться бдительным не переросла в паранойю.

Когда он пробирался по темному лабиринту третьего этажа, из конца коридора послышалось слабое дребезжание. Дамиан застыл, сердце забилося так бешено, что казалось, будто грудь сейчас расколется надвое. Прищурившись в полумраке, он взгляделся в раздваивающийся коридор – туда, где находился кабинет главного магистрата.

Боковым зрением уловил движение какой-то фигуры.

Он бесшумно двинулся вперед, не отрывая взгляда. Одной рукой потянулся к ножу на поясе. Шум не смолкал, и уже через несколько секунд звук стал отчетливым. Дамиан ускорил шаг. Похоже на неудачную попытку вскрыть замок.

Кто-то хотел вломиться в кабинет Форте.

Сжав рукоять ножа, он дернул его вверх. К этому времени Дамиана отделяло всего несколько шагов от взломщика; он вытянул руку в темноте, направив кончик ножа туда, где по его предположениям – и надеждам – должна была находиться шея незнакомца.

– Стоять. *Ни с места.*

Нарушитель вздрогнул и попятился от двери. Когда он развернулся, намереваясь поднять руки, сердце Дамиана от ужаса рухнуло вниз.

– *Вы.*

Главный магистрат Форте перевел взгляд с Дамиана на нож у него в руке. На видимой части его лица отразилось замешательство.

– Это мой кабинет.

Дамиан поспешно опустил нож, радуясь, что в темноте не видно пылающих щек.

– Прошу прощения, *miò signore*. Я решил, что кто-то пытается вломиться к вам.

В ответ Форте хмыкнул:

– Ничего страшного. В последнее время магия работает неисправно. Похоже, она не всегда меня узнает.

– Позвольте, я вам помогу.

Форте посторонился, чтобы Дамиан мог вставить свой мастер-ключ. Замок щелкнул, и дверь отворилась с протяжным скрипом, который разнесся по коридору точно жалобный вой.

– Спасибо, – сказал Форте и уже собрался войти, но остановился, нахмутив лоб, их с Дамианом глаза встретились. – Кстати, как продвигается твое расследование?

Дамиан с усилием сглотнул.

– Мы опросили практически всех в Палаццо. Теперь наши дальнейшие действия – проверить возможную причастность мятежников.

– Ты не веришь, что к этому приложил руку кто-то из работников Палаццо, я правильно понимаю?

– Трудно сказать, – уклончиво ответил Дамиан. – Любой может солгать. Хотя пока никто не вызвал у меня особых подозрений. Я хочу попросить Энцо глядеть в оба и обращать внимание на все необычное.

– Ты ему доверяешь?

Интересно, Форте ставил под сомнение его решение или просто проявлял любопытство? Почему-то люди, подобные ему, обычно считали, будто слуги недостойны доверия.

– Да, – уверенно сказал Дамиан. – Целиком и полностью.

На мгновение повисла тишина. Затем Форте кивнул – легкое движение головой.

– Очень хорошо. Спокойной ночи, Дамиан.

Только добравшись до двери в собственную комнату, Дамиан осознал, что главный магистрат не назвал его *Вентури*.

8. Роз

Когда на следующий день рассвело, перед Роз предстала мрачная картина. Небо было тусклым, туманно-серым, как статуи с пустыми лицами, мимо которых она спешила по пути в таверну «Бартоло». Они зловеще возвышались среди растительности запущенных садов: таким образом главный магистрат пытался навязать окраинам некое подобие религиозности. Поскольку никто не стремился ухаживать за этой территорией, зелень оплела скамейки и взобралась по высеченным одеждам каменных святых. «*В своей дикости это было даже красиво*», – подумала Роз. Своеобразная ода тому, что лишь немногим в этой части Омбразии хотелось поклониться перед божеством.

В этот раз она решила идти чуть более длинным путем, намереваясь пройти мимо реки, где неделю назад нашли тело убитого мальчика. Она не знала, что надеялась обнаружить там, только испытывала раздражение из-за того, что информация о смерти так и не была обнаружена. Может быть, парнишка был дезертиром, который предпочел спрыгнуть с военного корабля, чем позволить увезти себя на войну?

Однако последний призыв проходил месяц назад, а река в последнее время выглядела спокойной. Это казалось слишком большим совпадением.

Располагавшиеся на большом расстоянии друг от друга фонари освещали улицу, отбрасывая тусклое свечение на заросшую травой набережную, отделявшую булыжную мостовую от журчащей воды. Облака отражались в поверхности реки: время от времени эта унылая картина на переливающемся холсте превращалась в абстрактное полотно из-за проплывавшей по ней лодки. Некоторое время Роз стояла на месте, биение сердца болезненными толчками отдавалось в глубине горла. Когда она была маленькой, отец брал ее с собой на прогулки по берегу реки, где показывал огни над водой и рассказывал истории о городе, произошедшие задолго до их рождения, – тогда последователи еще не держали Омбразию в железных тисках.

«*Мы храним прошлое*, – постоянно говорил ей Якопо. Всякий раз, когда он наклонялся к ней, его запах мяты и табака затмевал собой все. Этим запахом пропиталась каждая частичка воспоминаний Роз. – *Необходимо помнить, как все было, чтобы знать, к чему стремиться*».

Ее отец жаждал перемен так же сильно, как и она. Возможно, поэтому он и дезертировал: Якопо не привык следовать приказам.

Наверное, в этом они с Роз были похожи.

В этот раз Пьера Бартоло была на месте и работала в баре, когда Роз вошла в таверну, не обращая внимания на табличку «Закррито» на двери. Пьера, обладавшая черными волосами с проседью и поджарой фигурой, походила на лезвие ножа – острое и притягательное во всех смыслах. Она подняла голову на звук открывающейся двери и при виде Роз улыбнулась. Это была кривая улыбка, не совсем ласковая, но все же приятная.

– Ты сегодня рано, – Пьера отложила тряпку, которой протирала барную стойку, и тыльной стороной ладони смахнула волосы со лба. Позади нее виднелась часть кухни: Роз разглядела каменную стену, заставленную винными бутылками, и деревянные стеллажи, над которыми сушились травы и мясо.

– Ага, – Роз скользнула взглядом по нескольким занятым столикам. Сегодня здесь, помимо них, было четыре человека; они потягивали нечто похожее на приготовленную Пьерой смесь кофе с бренди. – Я хотела бы кое о чем с тобой поговорить.

Пьера прищурила свои колючие серые глаза.

– Дело в Каприс? Как она?

– Да все так же, – вздохнула Роз. – Нет, дело не в ней. Понимаешь... Я вчера подслушала разговор двух офицеров, который мог бы, мне кажется, тебя заинтересовать.

Женщина опустила подбородок – знак для Роз продолжать. И та, понизив голос, заговорила дальше:

– Уверена, сейчас уже полгорода в курсе, но один из последователей Палаццо был найден убитым.

Брови Пьеры взлетели вверх так стремительно, что при других обстоятельствах это выглядело бы забавно.

– Серьезно? *Убитым?*

– Так говорят.

– И они считают, что мы к этому причастны, да?

Роз покачала головой.

– Этого они не говорили, но такую возможность нельзя исключать. Решила тебя предупредить, чтобы ты передала всем остальным держать ухо востро.

Пьера окинула взглядом таверну, ее внимание привлекла парочка новых посетителей, когда те вошли и заняли столик. Ее губы оставались сжатыми в тонкую линию, пока она вновь не посмотрела на Роз и не заговорила:

– Это ведь не все, не так ли?

– Нет. – Лицо Роз искажилось. – По словам стражи Палаццо, расследование убийства последователя и поиск преступника является *приоритетной задачей*.

Пьера схватила тряпку и, стиснув челюсти, скрутила ее между пальцами. Ей не нужно было объяснять Роз, почему эта новость так сильно ее взволновала.

– Ясно, – пробормотала Пьера. – Хотелось бы мне сказать, что я удивлена.

Роз тоже не удивилась. Однако злиться меньше не стала.

– Если он узнает...

– *Когда* Дев узнает, то переживет, – ее слова прозвучали уверенно, но мягко. – Вряд ли он ожидал чего-то другого.

– Он более ранимый, чем кажется.

– Как и ты.

Роз поджала губы. Она очень любила Пьеру, но порой ее раздражало то, как хорошо эта женщина знала ее. Раздражало то, что она позволила другому человеку увидеть ее слабые места, которые впоследствии можно использовать против нее. Пьера никогда бы не поступила подобным образом, тем не менее любое упоминание о *ранимости* Роз воспринималось ею как личное оскорбление.

– Я не ранимая, – проворчала она. Пьера бросила на нее взгляд.

– Ранимая, и это нормально. Но все равно способна справиться со всем. Как и Дев.

Роз уже открыла рот, чтобы ответить, как в следующую секунду предмет их разговора вошел в таверну в сопровождении Насим. Они направились напрямик к бару; Пьера, бросив на нее еще один многозначительный взгляд, взялась за тряпку.

– По-прежнему ничего, – сказала подошедшая к ним Насим и шлепнула газетой – а сверху ладонью – по барной стойке.

Роз, делавшая в это мгновение глоток, поперхнулась от силы обрушившегося на столешницу удара.

– Могу я узнать, о чем речь?

– По-прежнему ни слова о мальчике, которого на прошлой неделе нашли на берегу реки. Вторая... – Насим понизила голос, когда Дев нахмурился.

– Вторая жертва, – закончил он бесцветным голосом. – Можешь говорить спокойно. Я не хрустальный. Пьера? – махнул он ей. – Виски, пожалуйста. Неразбавленный.

Насим виновато поморщилась, а Роз сказала:

– Мы знаем, что ты не хрустальный, Дев. – Затем обратилась к Насим: – У них уже есть его имя?

– Не похоже.

Тело мальчика пробудет в морге до тех пор, пока кто-нибудь не опознает его или он не начнет разлагаться. Это было неправильно. Его жизнь имела такое же значение, что и в свое время, по всей видимости, жизнь умершего последователя. Чем дольше она думала об этом, тем сильнее разливалась ярость в ее груди, точно яд, вытекающий из откупоренной бутылки.

Роз взобралась на табурет и, прислонившись к барной стойке, окинула взглядом зал, продолжавший заполняться людьми, которые также не обращали внимания на табличку «Закррито». Ей был знаком каждый из них: Йозеф, Цзэминь, Эрнесто, Басит, Николина, Йоланда, Арман... Горожане, обделенные божественным благословением и лишённые по этой причине права голоса. Те, кому приходится наблюдать за тем, как их город формируется под влиянием отвергнувшей их системы.

Пьера придвинула к Деву бокал, затем скинула фартук и обошла барную стойку с другой стороны. Все присутствующие расселись за столами так, чтобы смотреть на нее. Зал наполнился тяжелым ожиданием, пропитанным каплей беспокойства. Пьера молчала и просто ждала, пока стихнет негромкое бормотание. Произошло это довольно скоро.

И началось собрание мятежников.

– *Buon giorno*⁵, – произнесла Пьера. – Прошу прощения, что созвала вас всех в столь ранний час. Но вам важно знать, что наша попытка вызволить Фредерика из тюрьмы, к сожалению, оказалась безуспешной, – она слегка поджала уголки губ – единственный показатель того, что эта новость как-то затронула ее. – Рафаэлла и Джианю были арестованы. Их дальнейшая судьба неизвестна.

В таверне воцарилось молчание. Но не от ужаса или удивления; оно скорее походило на тягостное принятие. У Роз внезапно скрутило живот, который занял еще сильнее, когда кто-то выкрикнул:

– Кто мог их сдать?

Она почувствовала на себе взгляды раньше, чем кто-то высказал свои подозрения вслух. Проклятье, а ведь она хотела принять *участие* в этой попытке. Благодаря своим способностям она могла быть неоспоримым преимуществом. Однако Пьера, зная об этом, все равно мягко сообщила Роз, что другие мятежники, назначенные на это задание, отказываются работать с ней.

Чувствуя, как под тяжелыми взглядами присутствующих в ней поднимается раздражение, Роз встряхнула волосами, отчего те рассыпались по спине.

– Поскольку некоторые из вас так думают, – рявкнула она, – спешу успокоить – это не я.

Насим в знак солидарности сжала ее руку. «*Пьера доверяет тебе, а значит, доверяю и я*», – решительно заявила она Роз в самом начале их знакомства. Она одна из немногих, вместе с Девом, кто занял такую позицию. С тех пор прошел почти год, и за это время Роз хорошенько уяснила, что большинство людей не хотели видеть ее здесь. Видимо, то, насколько полезным было ее положение, не имело значения.

Пьера дружила с Якопо Ласертзой с самого детства, а потому знала Роз задолго до того, как та стала последовательницей. На самом деле, именно Пьера поддержала решение Роз вступить в храм Терпения.

«*Тебе будут платить намного больше меня, – сказала она ей. – К тому же должность, которую ты займешь, может сослужить мне отличную службу. Если ты не против, конечно*».

Тогда-то Пьера и рассказала ей о мятеже, Роз мгновенно ухватилась за возможность принять в нем участие. С тех пор как умер отец, в ее душе таилась обида, и этот огонь так и не погас.

⁵ *Buon giorno* (итал.) – доброе утро.

Пьера подсказала ей, как лучше его применить.

– Я *никого* из вас не подозреваю, – сказала она теперь, в ее голосе послышались предостерегающие нотки. – И не верю, что кто-то из присутствующих здесь мог предать наши планы. Нам просто не повезло, что смена караула была произведена на несколько минут раньше графика.

Мятежник по имени Аликс, закусив нижнюю губу, произнес:

– Мы предпримем еще одну попытку?

– Обязательно. Но не сейчас.

На мгновение повисло молчание, и Роз вновь подала голос:

– Стража Палаццо начала расспрашивать о нас. И, похоже, эти вопросы они задают всем, кого задерживают. На днях мне удалось подслушать один такой разговор в Меркато.

Теперь Аликс взглянул в ее сторону. Он, по крайней мере, обычно проявлял вежливость.

– Кого допрашивали?

– Парня моего возраста. Он, разумеется, ничего не знал.

– Значит, они воспринимают нас всерьез, – вмешалась Пьера, довольно кивая. Еще несколько мятежников повторили за ней. – Это хорошо. Они обеспокоены.

Так уж ли это было *хорошо*? Роз почему-то сомневалась.

– И что теперь? – Вопрос исходил от Йозефа, крупного мужчины, потерявшего руку во время своего последнего пребывания на севере. – Мы заляжем на дно или дадим им повод для страха?

Роз знала Пьеру достаточно хорошо, чтобы предугадать ее ответ. Как и следовало ожидать, выражение лица главы мятежников не изменилось, когда она заговорила:

– Времена действовать втайне прошли. Я предполагала, что сегодняшнее собрание будет посвящено разработке дальнейших планов по возвращению пропавших членов нашей команды, однако Роз предоставила мне интересную информацию.

Эрнесто – мятежник, который терпеть ее не мог, – бросил на нее презрительный взгляд. Она с самодовольным видом посмотрела на него в ответ.

– Один из последователей Палаццо убит. – Губы Пьеры изогнулись в кривой усмешке; женщина выдержала драматичную паузу, когда по залу прокатилась волна потрясения.

Глаза Насим сверкнули, но первым молчание прервал Цзэминь:

– Кто именно?

– Они не сказали, – ответила Роз, как только вопросительный взгляд Пьеры остановился на ней. – А это имеет какое-то значение?

Пьера покачала головой.

– Не особо. Главное, чтобы сейчас все вели себя чуть более осторожно, чем обычно. С большой долей вероятности их подозрение, судя по словам Роз, пало на мятежников. Теперь все наши действия становятся более рискованными, однако, если виновного не найдут сразу, мы станем для них еще большей угрозой, чем есть. Не скажу, что расстроена этим фактом. Вдобавок ко всему главный магистрат Форте делает все возможное, чтобы раскрыть убийство последователя. А это *явный* сигнал для людей вроде нас, – ее взгляд упал на Дева, – кто потерял одного из своих товарищей и до сих пор не получил ответы.

На таверну тяжелым одеялом опустилось молчание, которое вскоре сменилось возмущенным гомоном. Йоланда с мрачным видом покачала головой. Роз вслед за Пьерой посмотрела на Дева: тот, похоже, даже не слушал их. Он уставился немигающим взглядом на свой полупустой стакан, будто желая утонуть в коричневатой жидкости.

– Ты, наверное, шутишь, – Насим вскинула брови, и Роз вспомнила, что они с Девом не присутствовали при ее предыдущем разговоре с Пьерой. – И это после того, как они *ничего* не предприняли в отношении мертвого мальчика? В отношении... – она умолкла на полуслове, потому что собиралась произнести имя *Амели*.

Вновь наступила неловкая тишина; Роз мысленно упрекнула себя за то, что вместе со всеми поддалась ей. Возможно, Амели больше не было в живых, но ее имя заслуживало того, чтобы его произносили вслух. Все время обходить факт ее смерти не принесет пользы.

– Амели Вильнев, – решительно сказала Роз. – Она заслуживает такой же справедливости, как и любой последователь.

Ее слова привлекли внимание Дева. Он поднял глаза, бросив на нее благодарный взгляд, и вскинул подбородок. Роз ответила тем же. Они ведь были мятежниками, разве нет? Они произносили имена своих погибших товарищей, а горе использовали в качестве оружия. Они справлялись со своими печалью и гневом, давая сдачи.

И если Дев еще не готов это сделать, то Роз сделает за него.

– А пока что, – продолжила Пьера уже мягче, – мы должны еще немного напугать Палаццо. Если допустить, что нас *не* подозревают в убийстве, офицеры стражи, должно быть, сильно расслабились, сорвав нашу попытку побега из тюрьмы. – Затем она повысила голос: – Вот почему нашей следующей целью через неделю станет Меркато. Думаю, вы согласитесь, что он олицетворяет все плохое, что творится в этом городе. Не знаю, как вы, а я устала чувствовать себя расходным материалом. Когда Палаццо нужны люди, чтобы сражаться в их войнах, кого они призывают? *Нас*. Им плевать, что мы умираем на передовой, и уж точно плевать, что мы умираем в нашем собственном чертовом городе.

Роз согласно закричала вместе с остальными мятежниками. Коллективная движущая сила их злости была подобна наркотику.

– Может, они и заставили нас принять их святых, – сказала Пьера, – но мы *не станем* принимать их правила. Не при таких условиях. Не когда отец Роз, обезглавленный, преждевременно слег в могилу. – Она кивнула Роз в знак солидарности. – Не когда брат Насим каждое утро просыпается на передовой, а Йозеф едва вернулся к нормальной жизни. – Пьера обменялась взглядами с каждым из них. – Мы не расходный материал. Но именно так относятся к нам как на поле боя, так и за его пределами. Так давайте покажем Палаццо, что с нами нельзя шутить. Давайте покажем людям, что мятежники никогда не оставляют друга в беде. – Она с нарочитой медлительностью расплылась в улыбке. – Давайте сожжем Меркато дотла.

Йозеф заулюлюкал, и еще несколько мятежников повторили за ним, воодушевленные перспективой столь дерзкой демонстрации сопротивления.

– Что ж, – проговорила Насим, как только в зале стало тихо и Пьера удалилась вглубь таверны. – Это будет весело. – Затем она скрестила ноги в лодыжках, скривив губы в усмешке: – Дев, что ты...

Но тот уже направлялся к двери, пустой стакан одиноко стоял на барной стойке. Насим заметно поникла, когда он вышел на улицу.

– Дело не в тебе, – сказала Роз, положив ладонь на руку Насим в надежде утешить ее.

Плечи девушки опустились, на лице отразилось горе.

– Мне просто кажется, что я должна как-то помочь ему облегчить страдания.

– Ты уже помогаешь ему своим присутствием. Ему просто нужно время.

Роз собиралась добавить что-то еще, когда по таверне внезапно разнесся громкий гнусавый голос, принадлежавший Эрнесто.

– Интересно, когда Пьера уже перестанет принимать каждое слово Ласертозы на веру, – говорил он своему другу Баситу, в его тоне сквозила насмешка. – Уверен, половина из того, что она якобы *подслушала*, – Эрнесто изобразил пальцами кавычки, – полная чушь. Наверняка это она разболтала Палаццо о нашем плане вытащить Фредерика из тюрьмы и о замысле с Меркато, бьюсь об заклад, тоже расскажет. – Он заметил на себе взгляд Роз, и его губы изогнулись в усмешке. – В конце концов, она последовательница, черт побери. Какова вероятность, что это не *она* предательница?

Басит и еще несколько человек поблизости согласно загудели. Роз уже вскочила с места, но Насим схватила ее за куртку.

– Не надо, Роз. Ты же знаешь, что он просто пытается вывести тебя из себя. Уж кто у нас здесь сраное трепло, так это он.

Роз с трудом повернулась к ней. Стиснув зубы, встретилась взглядом с большими карими глазами Насим.

– Но люди верят ему. В этом и проблема. Половина мятежников считает, что мне нельзя доверять.

– Пьера доверяет тебе. Я доверяю. Дев доверяет. У тебя полно союзников здесь, просто они не такие громогласные.

– Знаю. – Однако сказать ей, что этого недостаточно, Роз все-таки не осмелилась. Только ее преданность делу – и ничья больше – постоянно подвергалась сомнению. И хотя она ценила неизменную поддержку Насим, было ясно, что подруга не понимает ее. Если нападение на Меркато сложится неудачно, люди вроде Эрнесто решат, что это ее вина. Если все пройдет гладко – сочтут за везение. – Просто мне кажется, тут нет победителей.

– Мне жаль, – сказала Насим, при этом глядя на оставленный Девом стакан. В итоге Роз решила закрыть тему. У людей имелись проблемы посерьезнее, чем у нее. В конце концов, по улицам Омбразии рыскал *убийца*.

Только она подумала об этом, как в ее голове начали созревать идеи. Что, если смерти Амели и безымянного парня были каким-то образом связаны? Роз знала, что юношу нашли на берегу реки, но никто не утверждал, что он действительно утонул. Вдруг каким-то чудом она сумеет раскрыть убийство Амели? Или даже *оба*? Дев наконец успокоится. А остальные мятежники уяснят раз и навсегда, что она на их стороне.

– Слушай, – обратилась она к Насим, неожиданная срочность в ее голосе заставила подругу поднять глаза. – Что, если смерти связаны?

Насим нахмурилась.

– Каким образом? Нам неизвестно, как была убита Амели, но она точно не утонула.

– А если парень тоже не утонул?

– Его нашли на берегу реки, Роз.

– И что? – Увидев озадаченное выражение лица Насим, Роз продолжила: – Послушай. Возможно, это не совпадение. Если я выясню, как они погибли – если они *действительно* погибли одинаково, – то, возможно, найду улики, которые приведут нас к их убийце.

– Такая вероятность есть.

– Выбор нового преемника последователя состоится послезавтра, а церемонии избрания всегда проходят в Базилике. Там же находится городской морг. Он закрыт для посещения, но я могла бы проникнуть туда на фоне всеобщей суматохи. Мне хочется взглянуть на тело парня. Убедиться, действительно ли он утонул или нет.

Насим долгое время разглядывала ее. Роз знала о ней практически все. Она жила с бабушкой. У нее были младшая сестра и старший брат – последний сейчас воевал на севере. Насим страстно ненавидела последователей, потому что им, в отличие от брата, ничего не угрожало. Она боялась умереть, не оставив следа в этом мире. Она любила отчаянно, но доверяла с опаской. И, наконец, ценила справедливость превыше всего.

– Думаешь, знание о том, кто убил Амели, поможет Деву? – спросила Насим, и в ее мягком голосе зазвучала нотка надежды.

Роз пожала плечами.

– Возможно. В любом случае хуже от этого не станет.

Если морг заперт – что вполне вероятно, – то весь механизм замка был создан последователем Терпения. А значит, открыть его своим прикосновением мог лишь тот, у кого имелся доступ.

Роз явно не входила в число этих людей. Но поскольку ей самой довелось соорудить немало замков, то она наверняка могла бы справиться и с этим, будь у нее достаточно времени. Она на это надеялась.

9. Роз

Роз стояла рядом с Базиликой, когда зазвонили колокола.

Она окинула взглядом пятаццу, над которой возвышалась церковь. Теплый воздух наполнил голоса, люди толпились у прилавка, где продавали свежую рыбу, а неподалеку музыкант играл на органетто⁶. Сгущались сумерки: для центра города это всегда было самое оживленное время.

«Здесь слишком много людей», – думала Роз, проталкиваясь сквозь толпу, окружавшую церковь снаружи. Ей было интересно, не боялись ли последователи Смерти, что и на этот раз выберут их, учитывая произошедшее с последним представителем.

Назначаемые в Палаццо последователи избирались из числа своих самых могущественных коллег. После чего они принимали решения в отношении политики, а также совместно с главным магистратом и советниками управляли всей Омбразией. Семь человек несли ответственность за весь город: шесть представителей и Форте – и ни одного заурядного среди них. После победы над Хаосом в Первой войне святых воплощение Силы вернулся на юг: именно он установил эту систему правления. Но вскоре умер от чумы, и его место занял главный магистрат. С той поры так и повелось.

Роз ткнула локтем под ребра ближайшего к ней мужчину, расчищая себе путь к входу в Базилику. Здание из гладкого серого камня, украшенное искусными замысловатыми узорами, находилось в центре квартала Смерти. Огромная арка обрамляла главный вход, отличавшийся деревянными дверями с эмблемой последователей Смерти – череп со звездами вместо глаз. Над ними располагалось превосходное изображение шести безликих святых, по одному на каждую священную гильдию. На месте седьмого святого красовалось неаккуратно вырубленное в камне углубление. Их головы были склонены в вечной молитве. Но Роз, как всегда, старалась не смотреть на них чересчур пристально.

Она больше не верила святым. Ее отец был прав – как жаль, что его уже не было в живых и она не могла сказать ему об этом. Ведь если город действительно происходил от святых, то почему лишь единицы были наделены магией? И почему остальные горожане обязаны поклоняться им? Истинное божество, по мнению Роз, не должно иметь фаворитов. Если святые хотят почтения от нее, то для этого им придется доказать, что они этого достойны. И неважно, что она потомок святой Терпения.

Роз прошла к скамьям вместе с остальными посетителями, среди которых в основном встречались последователи. Она всегда невольно с интересом подмечала особенности разных гильдий: последователи Изящества носили ярко-голубые одежды, Силы – традиционно черные. Последователи Смерти – белые мантии, а Терпения – темно-бордовые. Лица последователей Милосердия отличались скучным выражением, а Хитрости – лукавой усмешкой. По наблюдениям и подсчетам Роз, около трети населения обладало магией, хотя большинство жителей, несмотря на это, поклонялись святым. В домах, как правило, можно было встретить статуэтки одного из святых покровителей, а Базилику и другие небольшие храмы в городе посещало большое число верующих. Она даже видела, как люди оставляли подношения у своих дверей.

После церемонии в распоряжении Роз будет всего несколько минут, чтобы незамеченной прокрасться вниз. Она жалела, что не сделала этого раньше, во время прибытия гостей: тогда бы ей не пришлось сидеть здесь все торжество. Однако если в Базилику люди входили наплывами, то выходить из нее будут все одновременно.

⁶ Органетто (другое название – портатив) – миниатюрный переносной орган.

Главы гильдий – те, кто управлял текущими делами последователей, пока их представители заседали в Палаццо, – стояли перед алтарем. А за ними по ступеням, ведущим на трибуну, поднимался главный магистрат Форте.

– Добрый день! – громко произнес он, дойдя до места. Затем, сплетя пальцы рук, окинул взглядом собравшуюся публику. На его лбу выступили капли пота – не знай Роз его, решила бы, что он нервничает. – Спасибо всем, что собрались сегодня здесь. С последней церемонии восхождения прошло немало времени, и я осведомлен, что последователи Смерти выдвинули несколько превосходных кандидатов.

Роз закатила глаза. С последней церемонии прошло совсем немного времени, и все присутствующие об этом знали.

– Сегодня, когда мы отправляем нового последователя в Палаццо, святые смотрят на нас, – продолжил Форте, опустив глаза; перед ним, скорее всего, лежал текст. Его речь сделалась ритмичной и невыразительной, когда он принялся читать по бумаге: – С этого дня и впредь им предоставлена честь внести свой вклад в управление нашим городом. Мы с советниками будем работать с ними сообща, дабы достойно представлять Омбразу. – Теперь Форте заговорил серьезнее, его взгляд устремился к изысканно украшенному потолку: – Знаю, что у многих из вас есть вопросы, и в свое время вы получите ответы на них. Несчастный случай, унесший на прошлой неделе жизнь одного из последователей, был всего лишь несчастным случаем. Такая трагедия больше не должна повториться.

Он поправил очки дрожащей рукой, и Роз внезапно стало не по себе. Неужели главный магистрат знал что-то, чего не знали они? Неужели имелся повод для беспокойства, о котором остальные ничего не подозревали?

– А теперь, – сказал Форте, переводя дух, – хорошо известная всем вам история. – Он открыл лежавшую на трибуне книгу – не что иное, как «Святые и жертвоприношение», – и начал читать: – *Когда мир еще был молод, солнце только-только вошло на небосклон, Сила опустил свой взор на землю и обнаружил, что ее мало. Тогда он расколол ее на части и создал долины, а потом сотворил самую высокую из вершин.* – Прервавшись, главный магистрат перевернул страницу. – *В самом сердце гор Силы вспыхнуло пламя Терпения. Именно она породила огонь, а Хаос привел его в движение. Но тепло не должно было излучать ярость, поэтому Терпение, чтобы умерить вспыльчивый нрав своего возлюбленного, создала дождь. Этот дождь подарил жизнь самым разным видам растений и животных, которые человечество могло использовать для своего выживания. Однако людям не хватало умений, тогда Хитрость наделила их знаниями, а Изящество – способностью творить. Много лет человечество процветало, но благополучие не длится вечно. Для создания требовались ресурсы, а земля не могла много дать. И тогда Хаос подарил людям войну.*

Базилика наполнилась тихим бормотанием. По всей видимости, присутствующие, как и Роз, впервые услышали, чтобы кто-то прочитал эту историю, несколько не исключив роль Хаоса.

Форте поднес палец ко рту и вновь перевернул страницу.

– *Человечество воевало много лет. Милосердие и Смерть, бок о бок наблюдавшие за ним, пришли к общему решению. Люди получали ранения, поэтому Милосердие даровало им исцеление и лекарства. А поскольку этого оказалось недостаточно, Смерть подарила им покой. Место успокоения, когда их время на земле подходило к концу.*

Форте поднял глаза от книги.

– И вот сегодня мы чтим шестерых из этих святых. Сила, Терпение, Изящество и Хитрость благословили нас ремеслом. Милосердие и Смерть – глубочайшим пониманием человеческой жизни. – На миг показалось, будто Форте хочет сказать что-то еще, но он лишь поджал губы и подозвал женщину, должно быть главу гильдии Смерти.

Высокая, статная, рот растянут в мрачную линию. Она вручила главному магистрату небольшой кожаный мешочек, содержимое которого Форте мгновенно вытряхнул. Десятки крошечных полосок бумаги закружились в воздухе, словно бледные мотыльки. Публика замерла. Роз наблюдала за тем, как все листки, кроме одного, осели на пол. Оставшаяся полоска бумаги продолжала парить в воздухе, ныряя, вращаясь и выделявая безумные пируэты, пока Форте не поймал ее.

– Сальвестро Агости, – прочитал он. Слоги эхом разлетелись по обширному пространству, сложившись в незнакомое для Роз имя. Раздались аплодисменты – вначале редкие, а после переросшие в какофонию; со скамьи в передней части зала поднялся высокий мужчина. Его шелковый костюм наглядно демонстрировал богатство, пальцы украшали роскошные кольца. Он был похож на человека, готового принять власть. Нет, не совсем так: он был похож на человека, *рассчитывавшего* на это.

Весь остаток церемонии Роз блуждала мыслями, отгородившись от монотонного выступления Форте. Неприятные ощущения становились невыносимыми. Даже если бы ее не окружали последователи, она бы все равно в местах богослужения чувствовала себя самозванкой. Располагавшийся под храмом морг будто зывал к ней, напоминая об истинной причине ее прихода, поэтому она ни слова больше не слышала из речи о святых и святости.

Примерно через час вокруг Роз поднялся шум, и она вдруг осознала, что гости начинают вставать со своих мест и расходиться. Она вскочила на ноги. Все внимание толпы было приковано к выходу из Базилики, и никто, похоже, не замечал, как девушка двинулась к двери в дальнем углу храма.

Она скользнула внутрь, будто так и должно быть, дверь захлопнулась за ней с тихим, гулким щелчком, заперев ее на лестничной клетке.

Свечи, вставленные в светильники, озарили каменные стены, и ее тень вытянулась. Ступая на цыпочках, она спустилась по ступеням, с каждым выдохом из ее рта вырывалось теплое облачко, которое мгновенно рассеивалось на губах. Здесь, внизу, было холоднее. И тише. Казалось, будто сам воздух застыл и тяжестью давил на грудь Роз. Она побежала по коридору, повернула налево и снова налево, пока не оказалась у открытой двери. За ней она разглядела длинную комнату из белого мрамора.

Морг был *не* заперт. Или же кто-то уже находился внутри.

С бешено колотящимся сердцем в груди Роз выглянула из-за края дверного проема. Мысленно молясь, чтобы в морге было пусто, она оглядела ряды металлических столов – при виде накрытых простынями тел ей пришлось подавить внутреннее отвращение. Здесь пахло смерти: тошнотворная смесь гнили и бальзамирующего состава – но не это вынудило ее застыть на месте.

Кто-то стоял возле одного из тех самых столов. Кто-то знакомый и в то же время неузнаваемый, чье присутствие заставило ее принять защитную позу. В форме его фигура выглядела внушительной: медные регалии; красная нашивка на руке, напоминающая рану; сапоги, отполированные до чернильного блеска.

Настороженность Роз испарилась, и она вошла в морг, дважды щелкнув каблуками сапог. – Дамиан.

Она протянула его имя, вложив ненависть в каждый слог, хотя их новая встреча стала для нее сродни удару в живот. *Разумеется*, у него был доступ в морг. И все же какого черта он здесь делал?

Дамиан застыл и уставился на нее, словно она призрак. Затем спохватился, его лицо сделалось непроницаемым, и по нему пробежала тень. Любому другому он показался бы грозным, но Роз не боялась его. Благодаря сапогам она была с ним почти одного роста, его широкие плечи говорили о том, что он больше полагался на силу, а не ловкость. Ее снова поразило то,

насколько сильно он отличался от того прежнего, знакомого ей мальчишки. Мальчишки, за которым она когда-то гонялась по улицам и которого целовала в темноте.

Но главная причина, почему она не сбежала, читалась в чертах его лица. Если в прошлый раз он выглядел измученным, то сейчас – еле живым.

– Россана.

– Меня зовут Роз, как вам прекрасно известно, *офицер*.

Дамиану сделалось не по себе. Вот и славно. Он встал перед металлическим столом, загоразивая собой тело.

– Почему ты произносишь его так?

– Как так?

– Будто это ругательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.